

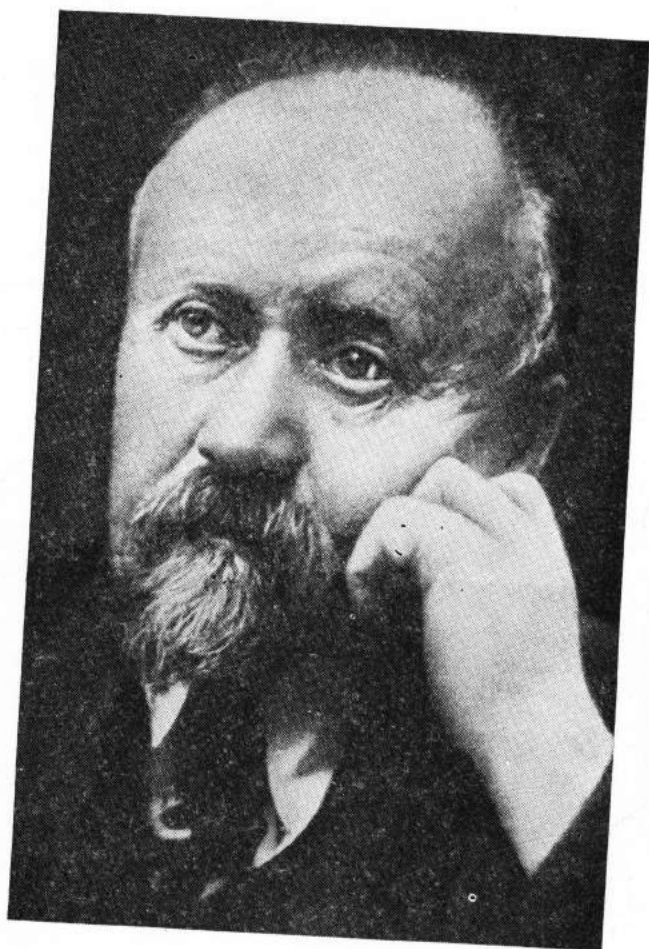
*Выдающиеся
деятели*

*отечественной
медицины
и здравоохранения*

К.Т.ВАСИЛЬЕВ

Д.К.ЗАБОЛОТНЫЙ

Д. К. Заболотный

Выдающиеся
деятели
отечественной
медицины
и здравоохранения

К. Г. ВАСИЛЬЕВ

Д. К. ЗАБОЛОТНЫЙ

(1866—1929)

Москва · «Медицина» · 1986

Рецензенты *проф. А. Н. Алексеев и проф. В. В. Скворцов*

- В19 **Васильев К. Г.**
Д. К. Заболотный. — М.: Медицина, 1986. — 104 с., ил. — (Науч.-попул. мед. литература. Выд. деятели отеч. мед. и здравоохран.)

15 к. 20 000 экз.

Брошюра посвящена жизни и деятельности выдающегося отечественного ученого, одного из основоположников советского здравоохранения и медицинской науки, академика АН СССР и президента Академии наук Украинской ССР Д. К. Заболотного.

На основании архивных исследований показаны жизненный путь ученого, его роль в развитии отечественной микробиологии и эпидемиологии и, в частности, в выделении эпидемиологии в самостоятельный предмет преподавания в высшей медицинской школе. Подчеркивается важное значение общественной деятельности Д. К. Заболотного — одного из первых отечественных ученых, безоговорочно перешедших на сторону Советской власти.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей.

В 4101010000—176 62—86
039(01)—86

ББК 55г

Предисловие

Даниил Кириллович Заболотный вошел в науку как микробиолог и эпидемиолог, получивший мировое признание благодаря своим трудам по изучению чумы, холеры, сифилиса. Он сыграл исключительно важную роль в развитии эпидемиологических знаний в России и становлении отечественной эпидемиологии как самостоятельной медицинской дисциплины.

Деятельность Д. К. Заболотного как ученого, педагога и организатора борьбы с эпидемиями острозаразных болезней оказала большое влияние на формирование советского здравоохранения и советской медицинской науки. «Став на советскую дорогу, — писал Н. А. Семашко, — Даниил Кириллович твердо, без шатаний и колебаний, шел по ней». До конца своих дней он отдавал все свои силы, знания и опыт служению народу и Советскому государству, активно участвуя в общественной и политической жизни страны.

Д. К. Заболотному посвящен ряд работ [Руммель Д. И., 1950; Милёнушкин Ю. И., 1954; Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М., 1958; Билай В. И., 1966, и др.]. Однако построенные главным образом на воспоминаниях современников, без должного использования архивных источников, они содержат ряд биографических ошибок и устаревших оценок. Для воссоздания жизненного пути Д. К. Заболотного нами использованы материалы, хранящиеся в архивах Одессы, Киева, Ленинграда, автобиографии и послужные списки Д. К. Заболотного и воспоминания современников. Что касается оценки научных заслуг ученого, то они сделаны на основании анализа его научных трудов, а также многочисленных отзывов о его научной деятельности советских исследователей — микробиологов, эпидемиологов и организаторов здравоохранения.

Годы учения

Даниил Кириллович Заболотный родился 16 (28) декабря 1866 г. в селе Чеботарке Подольской губернии (ныне село Заболотное Крыжопольского района Винницкой области УССР) в семье бывшего крепостного крестьянина. Его детство протекало в большой нужде, и он рано познал тяжесть крестьянского труда. «В детстве мы с младшим братом Иваном, — писал в своей автобиографии Даниил Кириллович, — помогали отцу в поле и в огороде, при пахоте, жатве и при уборке хлеба»¹. Большую роль в его воспитании сыграл его дядя Макар Миронович Сауляк. «В учение мы с братом, — писал Д. К. Заболотный, — попали благодаря Сауляку, естественнику по образованию и товарищу Желябова по Одесскому университету. Он взял меня с собой в Ростов-на-Дону и поместил в прогимназию. Три года пребывания там дали мне возможность стать на ноги в учебном смысле, получить охоту к чтению, к занятиям и к естественно-историческим экскурсиям»².

В 1880 г. Д. К. Заболотный переехал в Одессу и поступил в гимназию. Этот город занимал в жизни Даниила Кирилловича особое место. Здесь он получил среднее образование. Здесь же с 1885 по 1889 г. обучался на естественном отделении физико-математического факультета Новороссийского (Одесский) университета. На сходках студентов Даниил Кириллович приобщался к общественной жизни страны, безоговорочно став на сторону наиболее активной и прогрессивной части интеллигенции. За участие в студенческом движении Д. К. Заболотный был арестован и исключен из университета. Так он познакомился с царской охранкой и тюрьмой. И наконец, именно в Одессе Даниил Кириллович начал научную деятельность.

Одесса в это время была большим торговым центром обширного Новороссийского края. Приморское положе-

¹ Заболотный Д. К. Избранные труды. — Киев: АН УССР, 1956, т. 1, с. 11.

² Там же.

Дом, в котором родился Д. К. Заболотный.

ние города наложило глубокий отпечаток на все стороны его жизни. Это был крупный торговый и промышленный центр на юге России.

Во вторую половину XIX века Одесса становится также и крупным культурным центром страны. Она стоит во главе большого Одесского учебного округа, включавшего весь Новороссийский край и Бессарабию. В городе было много средних учебных заведений. В 1865 г. здесь был создан университет.

Гимназия, в которую поступил Д. К. Заболотный, была одним из лучших средних учебных заведений Одессы. Это была знаменитая Ришельевская гимназия. Созданная в начале XIX века при Ришельевском лицее, она после реорганизации последнего в университет стала самостоятельным учебным заведением. За десять лет до поступления сюда Д. К. Заболотного эту гимназию закончил известный русский писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, описавший ее в автобиографических повестях «Детство Тёмы» и «Гимназисты». Он определяет ее «...каторгой непередаваемых мелочей, называемых обучением ума и воспитанием души». В гимназии царила бессмысленная зубрежка. Реформа, проведенная в на-

чале 70-х годов, согласно которой вводился восьмой класс и аттестат зрелости, не изменила общего духа этого учебного заведения; было лишь удвоено число уроков латинского языка и введено изучение второго древнего языка — греческого.

Когда в Ришельевской гимназии учился Д. К. Заболотный, в ней по-прежнему уделялось большое внимание древним языкам и почти не обращалось внимание на преподавание естественных наук. Но, несмотря на все преграды, жизнь врывается в стены гимназии. Д. К. Заболотный пишет в автобиографии: «Наша гимназия была одной из старых классических, но политические влияния проникали и в среду учеников, которые почитывали, несмотря на запрет, и Писарева, и книги по естествознанию...». Гимназия размещалась в бывшем «хлебном магазине», перестроенном для учебных целей. Писатель Юрий Олеша, учившийся в Ришельевской гимназии в начале XX столетия, так описывает это здание: «...мы подошли к зданию гимназии — двухэтажное желтое здание, старинное, с небольшими окнами в толстых стенах, построенное, может быть, еще при Павле, когда Одесса была еще совсем молодым городом. ...она стояла на углу, углу Садовой и Торговой»¹.

Вместе с Д. К. Заболотным в гимназии обучались В. К. Стефанский, впоследствии известный ученый-инфекционист, и микробиолог Ф. Ф. Скшиван, дружбу с которыми Даниил Кириллович сохранил до конца своих дней.

После окончания гимназии Д. К. Заболотный поступил в Новороссийский университет, который был открыт в Одессе в 1865 г. Это было время крупных социальных преобразований, охвативших все стороны жизни России. Потерпев жестокое поражение в Крымской войне, царское правительство было вынуждено провести ряд реформ, и Россия окончательно становится на путь капиталистического развития. Крымская катастрофа явилась переломным моментом в общественной жизни страны. «Совершилось чудо! — вспоминает о 60-х годах академик В. Л. Омелянский, — крымская катастрофа произвела на общество ошеломляющее впечатление. Для всех стало

---

¹ Олеша Ю. Ни дня без строчки. — М.: Изд-во «Советская Россия», 1965, с. 62.

ясно, что продолжать так жить дальше нельзя. Надо было круто порвать с прошлым и начать строить жизнь по-новому. Наступила светлой памяти эпоха 60-х годов. Как бурный вешний поток, пронесли эти годы над русской землей, оставив глубокий след во всех отраслях народной жизни»¹.

Общественный подъем сделал возможным осуществление давно задуманного плана — открытие в Одессе университета. Большую роль в борьбе за его создание сыграл великий русский ученый и гуманист Н. И. Пирогов, назначенный в 1856 г. попечителем Новороссийского учебного округа. Выдающийся хирург и анатом, Н. И. Пирогов был также крупным общественным деятелем и педагогом. Последовательный борец против сословных и национальных ограничений в университетах, он высказал ряд принципиальных положений об организации педагогического процесса и роли науки в высшей школе. Сразу же по приезде в Одессу Н. И. Пирогов горячо поддержал мысль о необходимости создания в Новороссийском крае своего университета. Однако в августе 1858 г. в результате происков реакционных кругов он был переведен в Киев и дело с открытием университета затянулось. Только в 1862 г. Александр II согласился с мнением Совета министров и 10 июня 1862 г. «повелел учредить Новороссийский университет в Одессе, преобразовав для сего в Университет тамошний Ришельевский лицей». Таким образом, вопрос об открытии университета был решен, но при обсуждении сметы расходов оказалось, что для их уменьшения придется отказаться от создания дорогостоящего медицинского факультета и заменить его юридическим.

В 1885 г., когда Д. К. Заболотный поступил в университет, там были историко-филологический, физико-математический и юридический факультеты. Как вспоминал Даниил Кириллович, согласно советам дяди и собственным склонностям, он избрал естественное отделение физико-математического факультета. Это отделение Новороссийского университета пользовалось в России большой известностью. В нем были живы традиции, заложенные преподававшими там в 70-х годах Л. С. Ценковским, И. М. Сеченовым, И. И. Мечниковым. Учителями

---

¹ Труды VIII Всероссийского съезда бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. — Л.: 1924, с. 15.

Д. К. Заболотного в университете были известные ученые: химию преподавал А. А. Верига, физику — Н. А. Умов, минералогию и геологию — тогда еще молодой Р. А. Прендель, физиологию — П. А. Спиро, ботанику — Л. А. Ришави и затем Ф. М. Каминский. На кафедре зоологии И. И. Мечникова уже не было — он ушел из университета в 1882 г., и зоологию Д. К. Заболотный изучал у А. О. Ковалевского, на этой же кафедре анатомию преподавал В. М. Репяхин. В своей автобиографии Даниил Кириллович отмечает, что в университете он специализировался по ботанике у профессоров Л. А. Ришави и Ф. М. Каминского, а по зоологии — у А. О. Ковалевского. Он всегда с большой теплотой вспоминал о годах, проведенных в университете. «Время пребывания на естественном факультете Новороссийского университета, — писал он, — относится к самым светлым годам моей жизни».

Большую роль в формировании общественных взглядов Д. К. Заболотного сыграло его участие в активном революционном движении передового студенчества Одессы. В 70-х годах студентом университета был известный народоволец А. И. Желябов. В Одессу часто приезжала Вера Фигнер. Для борьбы с растущим революционным движением царское правительство в 1879 г. учредило специальную должность временного одесского генерал-губернатора. Особенно усилилось наступление царизма на революционные выступления студентов с 1884 г., когда был введен новый университетский устав, лишивший университеты даже той иллюзорной автономии, которой они обладали. Однако студенческое революционное движение продолжалось. Д. К. Заболотный писал в автобиографии об этих годах: «Несмотря на тогдашний политический гнет, студенчество жило своей жизнью, существовали нелегальные организации, кружки, землячества, которые вовлекали молодежь в работу среди крестьянства и рабочих».

Изучение материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Одесской области, свидетельствует, что почти с первых лет учебы в университете Д. К. Заболотный начал принимать участие в революционном движении. В секретном отношении одесского градоначальника министру внутренних дел можно прочесть: «Заболотный в течение пребывания своего в Новороссийском университете с декабря 1887 по май 1889 г. находился на заме-

Д. К. Заболотный — студент Новороссийского университета. 1885 г.

чании вследствие отрицательного и протестующего направления, причем во всех бывших в это время студенческих беспорядках принимал деятельное участие...»¹.

Поступив в университет, Д. К. Заболотный поселился на рабочей окраине города, в районе железнодорожных мастерских. Почти не получая никакой материальной поддержки от семьи, он сильно нуждался и, очевидно, тогда познакомился и близко сошелся с представителями передовой революционной части одесского пролетариата.

Сведения о непосредственном участии Д. К. Заболотного в революционной деятельности среди рабочих не сохранились. Однако, когда 19—20 ноября 1889 г. студен-

---

¹ Государственный архив Одесской области, 1889, ф. 2, оп. 2, д. 2420, л. 24.

ты Новороссийского университета организовали сходку, протестуя против увольнения группы своих товарищей, Д. К. Заболотный оказался одним из инициаторов протеста. Инспектор по этому поводу доносил ректору: «Во время беспорядков, произведенных в здании Новороссийского университета 20 ноября, находился в толпе студентов также окончивший курс в сем году Даниил Заболотный. На неоднократные предложения удалиться он отвечал отказом». Из приведенной инспектором характеристики Д. К. Заболотного следует, что последний во время пребывания в университете «был вообще отрицательно направленного и принимал участие во всех движениях студентов в декабре 1887 г., и если не поёс наказание, то исключительно благодаря милости и снисходительности университетского начальства».

В связи со студенческими выступлениями так называемый университетский суд под председательством ректора С. П. Ярошенко постановил 21 ноября 1889 г. исключить из университета зачинщиков «беспорядков» Д. Заболотного, Д. Зозулинского, М. Попова и Н. Лосятинского и ходатайствовать перед попечителем Одесского учебного округа о привлечении их к ответственности».

На основании полученных материалов попечитель информировал одесского градоначальника: «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не признаете ли возможным сделать зависящее от Вас распоряжение о немедленном удалении Даниила Заболотного из пределов Одесского градоначальства». Затем дело Д. К. Заболотного было передано в руки жандармского управления, и уже 24 ноября 1889 г. в «Ведомости о политических преступниках, прибывших в Одесский тюремный замок» он числился как находящийся под следствием. Дальнейшая судьба Д. К. Заболотного сложилась весьма трагически.

11 декабря 1889 г. в конфиденциальном отношении градоначальнику шеф жандармского управления писал: «Препровождая при сем переписку, возникшую при вверенном мне управлении по поводу исследования вредного в политическом смысле направления бывшего студента Новороссийского университета Даниила Кирилловича Заболотного, и принимая во внимание, что политическая неблагонадежность и вредное влияние Заболотного среди учащейся молодежи вполне установлены, я, со своей стороны, полагаю бы просить ходатайства Вашего превосход-

дительства о выселении его из пределов Одесского градоначальства с водворением на жительство вне местностей, связанных с Херсонской губернией».

Однако в тюрьме Д. К. Заболотный тяжело заболел. Вызванный тюремной администрацией врач Одесской городской больницы Б. А. Шпаковский, кстати, человек, известный в городе своими реакционными убеждениями, 22 декабря 1889 г. констатировал, что «общее состояние Д. К. Заболотного требует серьезного лечения». В связи с этим на следующий день он был переведен в городскую больницу для стационарного лечения. Болезнь затянулась, появилась сердечная аритмия, развился ревматический полиартрит. Только в апреле 1890 г. он был выписан для амбулаторного лечения. Одесский полицмейстер сообщал градоначальнику: «Подлежащий гласному надзору полиции с удалением из Одессы... Д. К. Заболотный выписан из городской больницы на попечение матери его Евгении Заболотной 14 апреля 1890 г. Причем, как сообщил мне старший врач в отношении 15.IV.1890 г. за № 3447, он выписан не в качестве выздоровевшего, а ввиду амбулаторного лечения под ближайшим надзором врачей, знакомых с течением его болезни, которая в то время под влиянием больничной обстановки несколько осложнилась».

Родные Д. К. Заболотного, в частности его брат Иван Заболотный, в то время студент Киевского университета, ходатайствовали о разрешении остаться ему в Одессе для лечения. Однако только 13 февраля 1890 г. после долгих мытарств удалось добиться разрешения канцелярии Министерства внутренних дел на проживание Д. К. Заболотного в Одессе под гласным надзором полиции.

И, наконец, через год (8 февраля 1891 г.) после неоднократных просьб одесский градоначальник нашел, что «...приложение к Заболотному определенного ему взыскания может вызвать непоправимое ухудшение в состоянии его умственных способностей» и заменил гласный надзор полиции негласным.

В дальнейшем Д. К. Заболотный понял ограниченность политической программы народолюбцев и прекратил участие в революционном движении. Тем не менее события 80-х годов оставили глубокий след в его мировоззрении. В 1926 г., отвечая рабочим одесских железнодорожных мастерских, приветствовавшим 10-й Всесоюзный съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных

врачей, он говорил: «...лично мне особенно приятно слышать приветствие от рабочих тех мастерских, где мне приходилось жить, когда я учился в Одессе. Я знаю вашу жизнь».

После исключения из университета Даниил Кириллович не прервал своих научных занятий. «Потеряв возможность научной работы в университетских лабораториях, — писал он в автобиографии, — я нашел приют в основанной незадолго перед тем (в 1886 г.) И. И. Мечниковым бактериологической станции».

Одесская бактериологическая станция сыграла огромную роль в развитии отечественной микробиологии и была первым бактериологическим учреждением в России. История ее возникновения такова: в 1885 г. Л. Пастер впервые начал применять для предупреждения заболеваний людей, укушенных бешеными животными, профилактические прививки против этой болезни. Первое время он предполагал, что достаточно будет иметь одну крупную лабораторию в Париже, чтобы обеспечить всех нуждающихся в прививках. Однако вскоре оказалось, что далеко не все могут поехать в Париж, и часто прививки против бешенства нужно делать срочно на месте. В связи с этим возникла необходимость создания пастеровских лабораторий во всех странах, где встречалось бешенство.

В конце 1885 г. Одесское общество врачей и Одесская городская дума обсудили вопрос о создании пастеровской станции. Врачебный инспектор Л. А. Моровский обратился к Н. Ф. Гамалею как лицу, интересующемуся бактериологией, с просьбой составить смету денежных затрат, необходимых для организации бактериологической станции. В январе 1886 г. Л. А. Моровский получил ответ от Н. Ф. Гамалея и смету, предусматривающую затраты в размере 656 р. Одновременно Н. Ф. Гамалей заявил, что самым подходящим и желательным заведующим станцией мог бы быть профессор И. И. Мечников, который согласен принять эту должность.

И. И. Мечниковым было составлено положение о бактериологической станции, в котором подчеркивалось, что целью ее деятельности должно быть не только производство прививок против бешенства, но и всего того, «...что касается бактериологии и ее практического применения». В мае 1886 г. вопрос об организации бактериологической станции рассматривался Городской думой, и

было принято решение о ее создании в Одессе. И. И. Мечников был назначен директором станции, его помощниками стали Я. Ю. Бардах (заместитель директора) и Н. Ф. Гамалея. С момента своего создания Одесская бактериологическая станция стала центром бактериологических исследований. Д. К. Заболотный вспоминает в автобиографии: «Учрежденная И. И. Мечниковым бактериологическая станция сразу привлекла к себе всеобщее внимание, настолько это учреждение было необычно по своей конструкции и настолько привлекательно по духу...». Здесь сразу развернулась большая научно-практическая работа. Изучались и усовершенствовались прививки против бешенства, велись систематические исследования с целью выявления холерных вибрионов при сомнительных случаях желудочно-кишечных заболеваний, изучалась судьба тифозных бактерий в городских водостоках, прилегающих к больницам. Начиная с 1887 г. большое внимание уделялось приготовлению вакцины против сибирской язвы по методу Л. Пастера. Сотрудники вели большую научную работу. В 1888 г. Н. Ф. Гамалея впервые здесь описал вибрион, вызывающий заболевания птиц и названный им мечниковским вибрионом. В 1890—1891 гг. Я. Ю. Бардах независимо от немецкого бактериолога Э. Беринга и французского бактериолога Э. Ру получил противодифтерийную сыворотку и экспериментально доказал ее лечебные свойства. На станции проводились также экспериментальные изучения туберкулеза, чумы, кишечных инфекций. Именно в стенах Одесской бактериологической станции И. И. Мечников заложил основы первой оригинальной русской школы медицинских микробиологов. После отъезда И. И. Мечникова за границу в 1888 г. бактериологическую станцию возглавил его ближайший ученик Я. Ю. Бардах, заведовавший ею до 1891 г., а после него с 1892 г. ее возглавил известный санитарный врач П. Н. Диатроптов.

Когда Д. К. Заболотный пришел на бактериологическую станцию, И. И. Мечникова там уже не было. Его ввел в мир бактериологии ученик И. И. Мечникова Яков Юльевич Бардах (1857—1929). Под его руководством Д. К. Заболотный выполнил свою первую научную работу о микробах снега, представленную им в 1891 г. в качестве дипломной работы, после того как его допустили для сдачи экстерном экзаменов в Новороссийском университете.

Таким образом, именно в Одессе начался первый этап научной деятельности Д. К. Заболотного, посвященный изучению тогда еще молодой и быстро растущей области естествознания — микробиологии. В научной биографии ученого этот период важен тем, что в эти годы у Даниила Кирилловича зародился интерес к медицинской микробиологии и к проблеме борьбы с инфекционными заболеваниями человека.

В мае 1891 г. Д. К. Заболотному разрешили сдать государственные экзамены, и 11 августа этого года он получил диплом первой степени об окончании Новороссийского университета.

По всей видимости, в связи с возникшим интересом к медицинской микробиологии Даниил Кириллович решил продолжить свое образование на медицинском факультете и для этого отправился в Киев. Учитывая, что он окончил естественное отделение университета, его приняли сразу на III курс медицинского факультета Киевского университета. Во вторую половину 1891 г. он уже был студентом пятого семестра этого факультета.

Основанный в 1840 г. медицинский факультет Киевского университета славился своими профессорами, многие из которых внесли существенный вклад в развитие отечественной и зарубежной медицинской науки. Первыми профессорами факультета были блестящий хирург, ученик Н. И. Пирогова В. А. Караваев, анатом Н. И. Козлов, его преемник по кафедре А. П. Вальтер, физиолог В. Б. Томс, гистолог П. И. Перемежко, патолог Н. А. Хржонщевский. В годы учения Д. К. Заболотного в Киеве на медицинском факультете читали лекции выдающиеся отечественные ученые Г. Н. Минх и В. В. Подвысоцкий. Особенно яркой фигурой был Владимир Валентинович Подвысоцкий (1857—1913). «Вооруженный современными способами исследований, литературно образованный, увлекающийся и увлекающий других, — писал академик И. П. Павлов, — он сделался центром научной школы, где царил богатое воодушевление и откуда впоследствии вышли видные деятели медицинской науки»¹. Профессор Киевского университета, основатель медицинского факультета в Одессе, а затем директор Института экспериментальной медицины в Петербурге В. В. Подвысоцкий был прекрасным педагогом и блестящим уче-

---

¹ Павлов И. П. — Русский врач, 1918, № 18, с. 587.

ным. Даниил Кириллович всегда с большой теплотой вспоминал о В. В. Подвысоцком. В 1914 г. в речи, произнесенной на заседании Петербургского микробиологического общества, посвященном памяти В. В. Подвысоцкого, он говорил: «Всякий из нас, его учеников, имевших счастье работать в его лабораториях, вспоминая годы юности с ее надеждами и широким размахом научных планов, неразрывно связывает свои воспоминания с уютом рабочим уголком и полной энтузиазма личностью В. В. Подвысоцкого, живая речь которого, необыкновенная подвижность и проницательные пытливые глаза не выходили из памяти»¹.

Даниил Кириллович учился хорошо, и средний балл его оценок на III курсе составлял 4,3, на IV — 4,2 и на V — 5. Однако он не имел возможности получать помощь от семьи и сильно нуждался. Впоследствии он вспоминал: «Тут, в Киеве, я пешком ходил, когда был в университете, в больницы и госпиталь, бегал по урокам, торопился на лекции, сдавал зачеты, работал в лаборатории». Только в 1892 г. уже на восьмом семестре Д. К. Заболотный был освобожден от платы за обучение и на девятом семестре стал получать стипендию, в связи с чем в его послужном списке записано: «За получение в университете св. Владимира казенной стипендии обязан прослужить полтора года на государственной службе»².

Начиная с шестого семестра, Д. К. Заболотный работал в лаборатории кафедры общей патологии у профессора В. В. Подвысоцкого. В 1893 г. совместно с И. Г. Савченко (впоследствии известный микробиолог) им был проделан здесь героический опыт самозаражения, имеющий цель доказать эффективность прививок против холеры. Опыт был тщательно продуман и спланирован. Оба исследователя были привиты убитой вакциной против холеры, которую вводили ежедневно в течение 28 дней (с 5 марта по 2 апреля). Через 20 дней была проведена ревакцинация. Через три дня после этого — 1 мая 1893 г. — исследователи в присутствии профессоров В. В. Подвысоцкого и Ф. А. Леша приняли по 0,1 мл бульонной культуры холерного вибриона. Одновременно культура

---

¹ Заболотный Д. К. Избранные труды.—Киев: АН УССР, 1957, т. 2, с. 285.

² Киевский городской государственный архив, ф. 16, оп. 336, д. 164, с. 10—12.

вибриона для контроля была ~~вспрыснута~~ ^{впрыснута} ~~внутрибрюшинно~~ ^{внутрибрюшинно} двум кроликам. Один кролик погиб в течение ближайших часов, а другой — через 18—20 ч. Девятидневное медицинское наблюдение за экспериментаторами (с 1 по 9 мая) не выявило каких-либо болезненных явлений в состоянии их здоровья, и тем была доказана эффективность прививок против холеры. Одновременно был обнаружен интересный и новый для науки факт выделения холерных вибрионов привитыми против холеры здоровыми людьми в течение первых 3 сут. Так экспериментально была доказана возможность бессимптомного (здорового) носительства при холере, т. е. человек был носителем инфекции. Результаты этих исследований были опубликованы вначале на русском, а затем и на немецком языках, впоследствии неоднократно цитировались и сейчас еще приводятся в специальных работах.

Исследования по холере Д. К. Заболотный продолжил летом 1893 г. в Одессе, куда его пригласил заведующий бактериологической станцией П. Н. Диатроптов в связи с начавшейся эпидемией холеры. Здесь Даниил Кириллович изучал выживаемость холерного вибриона на городских полях орошения, предназначенных для обезвреживания нечистот. Результаты этих исследований были опубликованы в монографии П. Н. Диатроптова «Материалы к санитарной оценке городских полей орошения в Одессе», вышедшей с краткой припиской — «бактериологическая часть выполнена студ. Д. К. Заболотным».

Начало творческого пути

После окончания медицинского факультета Даниил Кириллович Заболотный был направлен для борьбы с эпидемиями в родную для него Подольскую губернию. В это время он оставался под негласным надзором полиции, и поэтому о его поездках можно узнать по донесениям, хранящимся в делах жандармского управления. В одном из них сообщается: «Состоящий под негласным надзором полиции в Киевской губернии, окончивший университет св. Владимира (Киев), из крестьян, Д. К. Заболотный, врач, командированный ректором университета на эпидемии в Подольской губернии, прибыл в г. Каменец-Подольск 13.XI 1894 г. из Киева, а 16.XI выехал в г. Проскуров».

Д. К. Заболотный энергично принялся за борьбу с эпидемиями холеры. Он организовал небольшую бакте-

риологическую лабораторию, в которой проводил большую часть своего времени. В донесении приставы 2-й части Каменец-Подольска можно прочесть: «Лекарь Д. К. Заболотный, командированный в связи с холерной эпидемией в Каменецкий и Ушицкий уезды, поселился во вверенной мне части, где занимает одну только комнату, по-видимому, только для ночлега, так как день проводит в лаборатории».

Результаты своей работы по борьбе с холерой в Подольской губернии Даниил Кириллович обобщил в сообщении, опубликованном в Трудах 1-го съезда врачей Подольской губернии. В нем он указывал на необходимость и важность обращать внимание на легкие «поносные» формы холеры, которые могут играть большую роль в распространении болезни, а также на возможность обнаружения холерного вибриона в кишечнике здоровых людей. Приведя результаты своих бактериологических исследований питьевой воды, он подчеркивал ее значение в распространении холеры и подробно описывал обнаруженные им нарушения в санитарной охране водоемников. Одновременно с проведением противохолерных мероприятий Д. К. Заболотный проводил также испытания недавно перед этим предложенной для практического применения противодифтерийной сыворотки. Он подводил итоги введения сыворотки 109 больным и 229 соприкасавшимся с ними здоровым лицам и пришел к выводу, что «...сыворотка — безусловно полезное средство против дифтерии... чем раньше начать лечение, тем лучше»¹.

В то же время Д. К. Заболотный отметил, что сыворотка, полученная из киевской лаборатории проф. А. Д. Павловского, уступает по своим качествам иностранной, и нередко ампулы с сывороткой оказывались загрязненными посторонней микрофлорой. В связи с этим возникла полемика, в ходе которой Даниил Кириллович, с виду скромный и даже робкий, показал себя остроумным полемистом. В ответ на несколько пренебрежительное замечание А. Д. Павловского, высказавшего сомнение в возможности научной оценки эффективности сыворотки в условиях работы летучих эпидемических отрядов, Д. К. Заболотный писал: «Напрасно также профессор относится так „мимолетом“ к летучим отрядам и по-

---

¹ Заболотный Д. К. — Врач, 1895, № 22, с. 631.

лагают, что «летучие» отряды только «летают». Они и «сажаются», и могут сесть, например, в лаборатории, которая существует не у одного проф. Павловского. Да и в каждой крестьянской хате можно вынуть из ящика микроскоп, сделать препарат и найти в мутной сыворотке бактерий... В стенах университета, которые я недавно оставил и лучшие предания которого еще не успел забыть, нас учили, что научные истины не решаются авторитетом одного человека, что они подготавливаются кропотливой работой многих исследователей и что слепая вера в авторитеты не раз бывала причиной глубоких заблуждений»¹.

В феврале 1895 г. Д. К. Заболотный возвращается в Киев для того, чтобы отслужить в качестве военного врача университетскую стипендию. В формулярном списке о его службе записано: «1895 г. февраль 25. Определен в службу в 132 пехотный Бендерский полк мл. врачом». Он был зачислен в списки полка и командирован на шестинедельный срок в Харьковский военный госпиталь. Можно полагать, что именно тогда он впервые познакомился с выдающимся русским патологом и микробиологом В. К. Высоковичем, работавшим в это время в Харькове.

В декабре 1895 г. Д. К. Заболотный распоряжением Окружного военно-медицинского управления был командирован для усовершенствования в Киевский военный госпиталь. Сразу же по приезде в Киев он встретился с проф. В. В. Подвысоцким, который предложил ему работать по совместительству у него на кафедре общей патологии в качестве внештатного помощника прозектор. В феврале 1896 г. на заседании медицинского факультета была проведена баллотировка, и 13 голосами «за» при трех «против» Даниил Кириллович был избран и утвержден в должности».

Так началась педагогическая деятельность Д. К. Заболотного, которую он с небольшими перерывами продолжал более 30 лет. Он вел занятия со студентами, а также проводил научную работу.

Академик Н. Д. Стражеский, учившийся в эти годы на медицинском факультете Киевского университета, вспоминал: «Еще и сейчас перед моими глазами совер-

---

¹ Заболотный Д. К. — Врач, 1895, № 35, с. 989—990.

Д. К. Заболотный в 1895—1896 гг. Киев.

шенно явственно и отчетливо стоит скромный, бедно одетый, несколько сутуловатый молодой человек с рыжеватыми редкими волосами, всегда находившимися в беспорядке, с редкими по красоте, добрыми и умными голубыми глазами, не знающий куда девать свои длинные руки, и тихим, но внятным голосом убежденно излагающий какую-либо теорию или доктрину. Иногда этот ассистент приходил в военном сюртуке, который сидел на нем мешковато и редко был застегнут на все пуговицы: обычно из-под растегнутого сюртука виднелась украинская вышитая рубашка. Но вот, вдруг совершенно неожиданно, промелькнет у него на лице улыбка, и он к случаю, мастерски, с чисто украинским юмором расскажет какой-либо анекдот или смешной эпизод из своего детства, на селе, из школьного периода жизни или из университетских лет. И студенты, утомленные на вечер-

них практических занятиях... вновь оживятся и снова внимательно следят за мыслями руководителя»¹.

К этому периоду относятся исследования Даниила Кирилловича, посвященные лабораторной диагностике брюшного тифа. В 1896 г. французский бактериолог В. Видадь предложил использовать для диагностики этой болезни реакцию агглютинации между микробами — возбудителями брюшного тифа и сывороткой крови больных. Д. К. Заболотный заинтересовался этим сообщением и провел проверочные исследования, подтвердившие диагностическую ценность реакции Видаля. Одновременно он занимался изучением сероводородных и серных бактерий и опубликовал результаты исследований сразу же после их завершения.

В январе 1897 г. было принято решение командировать Д. К. Заболотного в Индию в составе экспедиции врачом для изучения чумы на месте ее возникновения. Экспедицию возглавил проф. В. К. Высокович, его помощниками были врачи Д. К. Заболотный и Е. А. Редков и служитель К. Петров. В феврале В. К. Высокович и Д. К. Заболотный выступили с докладами на заседании Киевского общества врачей и рассказали о целях и задачах экспедиции. Присутствующие встретили докладчиков овацией и горячо пожелали им успехов. Через два дня экспедиция выехала из Киева через Вену в порт на Адриатическом море и оттуда на пароходе в Бомбей, куда прибыла 28 февраля 1897 г.

Эта экспедиция сыграла особую роль в жизни и научной деятельности Даниила Кирилловича и по существу явилась началом нового этапа в его научном творчестве.

«В 1897 г., — писал в автобиографии Д. К. Заболотный, — я отправился в составе русской экспедиции вместе с проф. В. К. Высоковичем в Индию для изучения чумы. Эта поездка дала мне возможность испробовать свои исследовательские силы и посмотреть, как работают мировые ученые. Здесь, в Бомбее, собралось много научных экспедиций из разных стран мира».

В 90-х годах XIX столетия во многих странах мира резко возрастает заболеваемость чумой, активизируются очаги этой болезни в Северном Китае, Индии, возника-

¹ Стражеско Н. Д. Воспоминания. — Врачебное дело, 1950, № 1, с. 8—9.

ет ряд крупных эпидемий в больших портовых городах Азии, Европы, Америки. Быстрое распространение чумы сильно встревожило правительства западноевропейских стран, справедливо опасавшихся возможности проникновения чумной заразы в Европу. Особенное беспокойство вызвала возникшая в конце 1896 г. огромная эпидемия чумы в Бомбее — важном портовом городе Индии. Страх перед этой болезнью заставил задуматься и царское правительство России, и 11 января 1897 г. последовал указ об организации «Высочайше учрежденной комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой». Эта комиссия сыграла важную роль в организации и финансировании изучения особоопасных болезней в России. В состав комиссии входили министры: внутренних дел, иностранных дел, финансов, юстиции, военный, путей сообщения и государственный контролер. Во главе комиссии в качестве председателя был поставлен принц А. П. Ольденбургский. Отзывы о личности А. П. Ольденбургского весьма противоречивы. С одной стороны, бесспорно, что он много сделал для развития отечественной микробиологии: при его непосредственном содействии был открыт Институт экспериментальной медицины в Петербурге, он широко помогал организации микробиологических лабораторий и экспедиций, посылаемых для изучения чумы, нередко жертвуя личные средства. Благодаря его влиянию комиссия располагала значительными денежными средствами (в некоторые годы ей отпускалось до 2 млн. р.). В то же время, будучи близким к царю и пользуясь полной безнаказанностью, он отличался крайней бесцеремонностью в обращении с людьми, нередко переходившей в откровенное самодурство.

Об уровне понимания сановными меценатами гуманитарных целей бактериологических исследований хорошо свидетельствует эпизод, приводимый в воспоминаниях А. М. Горького: «Профессор З., бактериолог, рассказывал мне: Однажды, в присутствии генерала Б., я сказал, что хорошо бы иметь обезьян для некоторых моих опытов. Генерал серьезно спросил: „А жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жидов!“ — И, не дожидаясь моего ответа, он послал офицера узнать, сколько имеется шпионов, обреченных на виселицу? Я стал доказывать его превосходительство, что для моих опытов люди не годятся, но он, не понимая меня, говорил, вытаращив глаза — „Но ведь люди

все-таки умнее обезьян, ведь если вы впрыснете человеку какой-нибудь яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна — не скажет» — Возвратился офицер и доложил, что среди арестованных по подозрению в шпионаже нет ни одного еврея, все цыгане и румыны. „И цыгане не годятся? — спросил генерал. — Жаль!“¹

Свою деятельность комиссия начала с отправки в Бомбей в феврале 1897 г. экспедиции для изучения чумы. Она была занесена сюда из Гонконга, где свирепствовала еще в 1894 г. Первые случаи болезни в Бомбее прошли незаметно, и только в сентябре было опубликовано сообщение о появлении ее в городе. К моменту приезда русской экспедиции эпидемия чумы в Бомбее начинала постепенно стихать. В это время ежедневно от нее погибало 70—80 человек, тогда как в разгар эпидемии ежедневно умирало более 130 человек.

Кроме русской, в Бомбее работали также австрийская, германская, французская, итальянская и египетская экспедиции.

Во время борьбы с эпидемиями чумы в Гонконге и Бомбее был сделан ряд крупных открытий. В 1894 г. французский микробиолог А. Йерсен и независимо от него японский микробиолог С. Китасато открыли возбудителя чумы. В том же году А. Йерсен обнаружил чумных крыс, а в 1897 г. П. Симонд впервые указал на роль блох в передаче этой болезни. В 1898 г. он экспериментально подтвердил свою концепцию, а О. Огато нашел зараженных чумой крысиных блох. Открытие возбудителя чумы позволило начать разработку средств специфической профилактики. В 1894 г. Э. Ру, А. Йерсен, А. Кальметт и А. Боррелль в Пастеровском институте в Париже начали готовить лечебную сыворотку путем иммунизации лошадей микробами чумы, а в 1896 г. В. Хавкин в Индии приготовил противочумную вакцину («лимфа Хавкина»).

Большую работу в Бомбее проделала русская экспедиция. Сотрудники ее сделали подробное описание различных форм этой инфекции. Была установлена высокая восприимчивость обезьян к чуме, что позволило широко использовать этих животных в качестве лабораторной модели. В частности, на обезьянах были изучены пути проникновения инфекции в организм и защитное дей-

---

¹ Горький М. Собрание сочинений. — М.: 1951, т. 5, с. 289.

ствие противочумной сыворотки. Опыты, проведенные Д. К. Заболотным на 96 обезьянах, позволили выяснить эффективность серотерапии в зависимости от времени введения сыворотки после заражения, установить ее лечебную дозу и длительность ее защитного действия. Лечебное действие было проверено также и на больных чумой. Сыворотка была введена 150 больным: среди леченых летальность составляла около 40%, тогда как общий процент умерших от чумы во время этой эпидемии доходило до 80%. Экспедицией были собраны также обширные сведения о развитии чумных эпидемий в Индии, клиническом течении болезни и ее лечении.

В «Письмах из Бомбея» Д. К. Заболотный обращает внимание на значение социальных факторов в распространении чумы: «Необычная скученность населения, грязь и теснота... являются факторами, наиболее способствующими развитию эпидемии». А в отчете о работе экспедиции указывает, что заболеваемость и смертность среди европейцев во время эпидемии были в 2 раза ниже, чем среди местного населения, но это отнюдь не зависит от какой-нибудь врожденной невосприимчивости к болезни, а объясняется лучшими социальными и бытовыми условиями жизни.

Русские ученые пробыли в Бомбее около 3 мес. По пути на родину Д. К. Заболотный остановился еще в Джидде и посетил места паломничества мусульман — Мекку и Медину. В отчете о посещении Джидды он указывает на значение путей массового передвижения людей в распространении чумы и на необходимость международного сотрудничества в деле предупреждения заноса этой болезни паломниками.

По возвращении из Индии Д. К. Заболотному было разрешено в августе 1897 г. выехать в Париж для обработки собранных во время экспедиции материалов в Пастеровском институте. Это была первая его поездка в этот институт. Л. Пастера уже здесь не было, он умер за три года до этого, и директором был Э. Ру. Душой же института был И. И. Мечников, в лаборатории которого нашли пристанище многие воспитанники русских университетов. В Париже Д. К. Заболотный пробыл до мая 1898 г. По возвращении в Россию он был прикомандирован к «Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой» и назначен в «качестве специалиста при Его Высочестве принце А. П. Ольденбургском». Так на-

чался многолетний период активного участия Д. К. Заболотного в борьбе с эпидемиями чумы и связанных с этим постоянных разъездов. Он проводил также исследования в «Чумном форте» (лаборатория по борьбе с чумой Института экспериментальной медицины в Кронштадте) и организовывал профилактические и противоэпидемические мероприятия в губерниях, где регистрировались заболевания чумой.

Открытие возбудителя чумы и выявление ее носителей (крысы) и переносчиков (блохи) в значительной мере изменили представления об эпидемиологии этой болезни. Возникновение ее эпидемий стали связывать с эпизоотиями среди синантропных грызунов — крыс. Общепризнанным стало представление о заносе чумы в Европейские страны. Большинство русских исследователей конца XIX — начала XX столетий [Галанин М. И., 1897; Эйгер Я. Б., 1897; Гамалея Н. Ф., 1904, и др.] объясняли появление чумы в России заносом ее из других стран и в первую очередь из тех, где она наблюдалась среди крыс. Однако наряду с этим ряд исследователей высказывали мнение о возможности существования эндемических очагов чумы в отдельных районах земного шара. В 1899 г. А. М. Левин и в 1900 г. Д. Д. Ахшарумов объясняли происхождение чумы в кишлаке Анзобе (территория современного Таджикистана) эндемичностью ее в данной местности. В 1901 г. В. И. Исаев в отчете о своей деятельности по изучению источников астраханской чумы уверял, «...что существуют неизученные особые местные условия, играющие большую роль в развитии чумных эпидемий». Эту же мысль всесторонне обосновали И. В. Страхович и А. Л. Поленов в монографии «Чума Астраханского края» (1907): «Чума Астраханского края в настоящее время приняла эндемический характер», но причину этой эндемии они объяснить не могли и пришли к неправильному выводу, что «в эпидемиологии астраханской чумы грызуны не играют роли».

В начале 1898 г. появились сообщения о случаях чумоподобных заболеваний в Восточной Монголии (район г. Вейчана), и 21 мая 1898 г. последовало решение Комиссии о мерах по предупреждению занесения в Империю чумной заразы — командировать в Восточную Монголию экспедицию для изучения очагов эндемичной чумы и возможных путей заноса ее в пределы России.

Руководителем экспедиции был назначен Д. К. За-

болотный, кроме него, в ней приняли участие студент-медик В. А. Таранухин, переводчик Р. Б. Бимбаев и казак Н. Жилин, 4 июня 1898 г. участники ее выехали поездом в Томск и оттуда на лошадях в Иркутск, а затем через Кяхту в Пекин. Из Пекина они отправились в район Вейчана, расположенный в долине реки Суологоу, у отрогов Хинганского хребта, на краю Монгольского плато. Экспедиция обнаружила в этом районе больных чумой и выделила от них культуру чумной палочки. Во время ее работы Д. К. Заболотный заразился чумой и перенес пустулезную форму болезни. Сообщая о своем заболевании, он писал, что оно «...относится к случайному заражению автора этой статьи укусом иглы шприца, которым перед тем извлекалось содержимое из бубона. На второй и третий день на пальце в месте укула появилась болезненная краснота, образовалась небольшая пустулка, которая вскоре лопнула. Вдоль всей руки до локтя ощущается боль. Подмышечная железа соответственной стороны безболезненна. На третий день температура повысилась до 39,5°C, появилась головная боль, усталость и неохота работать. Вспрыснуто 60 мл сыворотки Ру. Через 12 ч, за ночь, температура пала до нормы и более не подымалась. Пульс спустя 2 дня после падения температуры был 100—108, затем снизился на 80. В течение нескольких дней чувствовалась слабость, которая затем исчезла».

Экспедиция Д. К. Заболотного имела большое значение для выяснения географического распространения чумы на земном шаре, был описан новый эндемический очаг этой болезни в Восточной Монголии. Эпидемиологическое обследование бактериологически подтвержденной вспышки чумы позволило отрицать связь наблюдаемых в этом районе заболеваний людей с заносом инфекции из других районов. На основании проведенных исследований Д. К. Заболотный высказал смелое для своего времени предположение, что хранителями чумы в природе являются дикие грызуны. В своей работе «Эндемические очаги чумы на земном шаре и причины ее распространения» (1899) он сформулировал оригинальную гипотезу о причинах эндемичности болезни и связи заболеваний людей с эпизоотиями среди грызунов. Он писал: «Различные породы грызунов, по всей вероятности, представляют в природе ту среду, в которой сохраняются чумные бактерии. Отсюда явствует, как важно выяс-

нить повальные заболевания водящихся в данной местности грызунов». А в работе «Исследования по чуме» Д. К. Заболотный подчеркнул: «Сопоставляя существование эндемического очага чумы в Монголии с описанными русскими врачами случаями тарбаганьей чумы на людях, мы склонны предположить тождественность тарбаганьей болезни с настоящей чумой»¹. Гипотеза Д. К. Заболотного встретила резкое возражение большинства изучавших чуму, и потребовалось почти 15 лет неустанных научных исканий, чтобы доказать ее справедливость.

Научно-педагогическая деятельность. Петербург 1899—1910 гг.

Вскоре после возвращения из Восточной Монголии Д. К. Заболотный в апреле 1899 г. приказом А. П. Ольденбургского был прикомандирован к общепатериологическому отделу Института экспериментальной медицины (ИЭМ). Этот институт был по существу первым в нашей стране самостоятельным научно-исследовательским учреждением. Он был организован в 1890 г. на базе Петербургской пастеровской станции и состоял из многих отделов, возглавляемых известными русскими учеными. Так, например, организатором физиологического отдела и его руководителем был академик И. П. Павлов. Первым директором института был известный отечественный сифилидолог Э. Ф. Шперк, затем профессор общей патологии С. М. Лукьянов, а с 1905 по 1913 г. — В. В. Подвысоцкий. Сотрудники института внесли огромный вклад в развитие теоретических основ отечественной медицины и принимали активное участие в борьбе с инфекционными болезнями.

В 1899 г. при институте была создана знаменитая лаборатория, часто именуемая в литературе и в архивных делах сокращенно «Особая лаборатория» или «Чумный форт». Лаборатория была создана по решению комиссии по борьбе с чумой, поручившей эпизоотологическому отделу Института экспериментальной медицины приступить к изготовлению противочумной сыворотки. Сразу же после создания лаборатории возникли трудно-

---

¹ Заболотный Д. К. Избранные труды. — Киев: АН УССР, 1956, т. I, с. 67.

сти с ее размещением. Оставить ее на территории Института, располагавшегося в черте города, было неудобно и чрезвычайно опасно. И вот тогда А. П. Ольденбургский решил использовать для этой цели старый форт «Император Александр I», расположенный на маленьком островке примерно в 2 верстах от Кронштадта. Влиятельному попечителю института не стоило особого труда договориться о временной передаче форта в распоряжение ИЭМ. С января 1899 г. была начата работа по переустройству его, а уже в августе того же года в лаборатории стали изготавливать сыворотки и вакцины.

История «Чумного форта» овеяна мрачной романтикой. Маленький остров среди моря, вокруг которого нередко бушевали бури, полностью изолированный от внешнего мира, и на нем — угрюмое, тяжелое, сложенное из гранитных глыб здание старого форта, в котором изучали возбудителя чумы несколько врачей-бактериологов, ежечасно и ежеминутно рискующих своей жизнью.

Лаборатория получила название «Особой лаборатории Императорского института экспериментальной медицины по заготовлению противобубонночумных препаратов в форте Александра I». Ее устройством непосредственно занимались А. А. Владимиров и С. К. Дзержговский. Большое участие в организации и ее дальнейшей работе приняли известный бактериолог, начальник кронштадтского госпиталя В. И. Исаев и Д. К. Заболотный. Штат лаборатории состоял из заведующего, двух врачей, фельдшера, трех лабораторных служителей и хозяйственного персонала с прислугой. Первым заведующим был назначен М. Г. Тартаковский, а с 1902 г. эту должность занял В. И. Турчинович-Выжнекевич. Для оснащения лаборатории и содержания ее штатов были отпущены крупные по тем временам средства (170 тыс. р. для покупки оборудования и 60 тыс. р. ежегодно для содержания штатов). В лаборатории было быстро развернуто производство холерной вакцины и агглютинирующихся брюшнотифозных и холерных сывороток. Здесь велась также большая научная работа, в которой принимали участие А. А. Владимиров, В. И. Исаев и Д. К. Заболотный. Ими было выполнено более 20 крупных исследований, в том числе диссертации. На базе лаборатории проводились курсы по освоению техники бактериологических исследований по чуме и холере. В разное время на этих курсах учились более 200 врачей.

Сотрудники Особой лаборатории вписали героическую страницу в историю борьбы с чумой в России. Она была по существу у нас первым специализированным противочумным учреждением. Работа в «Чумном форте» была связана с огромной опасностью. В стенах этой лаборатории погибло два исследователя. В январе 1904 г. в результате лабораторного заражения заболел и умер от чумы заведующий лабораторией В. И. Турчинович-Выжнекевич, а в феврале 1907 г. по этой же причине погиб командированный в лабораторию врач М. Ф. Шрейбер. Вскрывая его труп, заразился ветеринарный врач Л. В. Подлевский, но благодаря быстро принятым мерам заболевание закончилось выздоровлением.

Бактериологическим отделом, к которому был прикомандирован Д. К. Заболотный, заведовал видный ученый в области микробиологии Сергей Николаевич Виноградский (1856—1953). Он является основоположником общей и почвенной микробиологии, был почетным членом Академии наук СССР и членом Французской академии наук. С. Н. Виноградский отличался тщательностью и педантичностью в своих исследованиях. По воспоминаниям современников, сдержанный и даже сухой в общении, он всегда был очень придирчив к результатам своих исследований и работам своих сотрудников. Может быть, именно поэтому он и не создал большой микробиологической школы.

Помощником и учеником С. Н. Виноградского, а затем и продолжателем его дела был академик В. Л. Омелянский, с которым у Д. К. Заболотного сложились самые добрые отношения. В. Л. Омелянский оставил удивительные по своей теплоте воспоминания о Данииле Кирилловиче. Он писал: «Я знал Даниила Кирилловича давно. Я хорошо помню то время—около 30 лет назад,—когда Заболотный еще совсем юным врачом приехал в Петербург. Теперь, когда его уже нет с нами, я благодарю судьбу за то, что она на долгие годы свела меня с ним... И я научился любить Даниила Кирилловича... за его широкое и благородное сердце, за его на редкость чуткую, самоотверженную и нежную душу. Это был человек порыва, душевной эмоции, а не холодного расчета, большой энтузиаст, весь преданный служению идее... Интересы дела и служение ему он всегда ставил на первое место, забывая о себе. Выйдя из народа, Даниил Кириллович до конца жизни сохранил живую связь с ним, близ-

ко принимал к сердцу его невзгоды и горести... Обаянием своей личности Даниил Кириллович сразу же привлек к себе сердца окружающих. Нельзя было знать его и не любить».

Однако все же основной областью деятельности Д. К. Заболотного после командирования его в ИЭМ остается разъездная эпидемиологическая работа. В июле 1899 г. его командировали в Месопотамию и Персию для исследования некоторых вопросов, касающихся бубонной чумы. На обратном пути он заезжал в г. Каштым Пермской губернии, где появилось подозрительное на чуму заболевание. В 1900 г. его послали в Саратов, а затем в Шотландию, в Глазго, где возникла портовая эпидемия чумы. Вскоре после возвращения из Англии Д. К. Заболотный снова отправился в Саратовскую губернию, а затем в Астраханскую. И так было почти ежегодно.

Вскоре после переезда в Петербург в 1898 г. Д. К. Заболотный был приглашен читать курс бактериологии в Женский медицинский институт. Это учреждение является детищем русской прогрессивной общественности. Оно было создано в 1897 г. и до 1904 г. не считалось государственным учебным заведением и содержалось исключительно на частные средства. Преподаватели его не имели званий и назывались «частными преподавателями». Обстановка в этом учебном заведении была более демократичной, чем в университетах. Большую роль в нем играли ученый совет института и студенческое самоуправление, представленное советом старост. Первыми директорами института были известные ученые-профессора В. К. Анреп, а затем Д. О. Отт.

Д. К. Заболотный отдал много сил организации и обеспечению преподавания курса бактериологии и вскоре превратил его в образцовый. Со всех концов России к нему приезжали врачи для специализации в области микробиологии. Вначале занятия проводились в двух комнатах анатомического корпуса. Д. К. Заболотный один читал лекции и проводил практические занятия со студентами. В своих воспоминаниях врач первого выпуска Женского медицинского института О. М. Боголюбова так описывает преподавание микробиологии в это время: «Д. К. Заболотный на своей кафедре был всем: и профессором, и ведущим практические занятия, и приготавливающим материал... Он был очень молод, смущался, как неопытный лектор, хотя за ним была слава

крупного эпидемиолога (по чуме) и бесстрашного экспериментатора. Он уже проделал свой знаменитый опыт с проглоченными живыми культурами холерных вибрионов. Лаборатория была мала и так заставлена шкафами, что в ней едва помещалась академическая группа в 12 человек. ...Д. К. Заболотный являлся энтузиастом своего дела, увлекающимся педагогом и хорошим товарищем. Вскоре бактериология завоевала сердца медичек, и с нею соперничала лишь гистология во главе с проф. А. С. Догелем, уже мировым ученым»¹.

26 января 1899 г. Даниил Кириллович писал своему учителю профессору А. О. Ковалевскому: «Работа пока идет гладко, курсистки занимаются успешно. Дело пойдет еще успешнее в будущем году. В настоящее время пишу работу по чуме». А немного ранее, 19 января 1899 г., в письме к дочери А. О. Ковалевского — врачу В. А. Ковалевской-Чистович — Д. К. Заболотный сообщал подробно о чтении курса бактериологии в Женском медицинском институте, устройстве лаборатории, приобретении для учебных целей 20 микроскопов с иммерсионной системой и предложил ей занять место ассистента кафедры. «Если Вы сочувствуете идее распространения бактериологических истин в среде сотоварок и готовы доказать Ваше сочувствие на деле, — писал он, — то не откажете ли известить нас для того, чтобы можно было пустить в ход официальное представление»². В мае 1899 г. В. А. Ковалевская-Чистович, прошедшая микробиологическую подготовку в лаборатории И. И. Мечникова, стала штатным ассистентом кафедры.

Первая программа курса бактериологии носила в основном практический характер. В ней относительно мало внимания уделено учению об инфекции и теоретическим основам иммунитета, но значительное место занимают некоторые важные разделы частной микробиологии и эпидемиологии. Это было связано с постоянным участием Д. К. Заболотного в организации и проведении противоэпидемических мероприятий, что, очевидно, не могло не сказаться на характере и направлении всей научно-педагогической деятельности кафедры.

---

¹ 50 лет I Ленинградскому медицинскому институту. — Л., 1947, с. 193.

² Архив I Ленинградского медицинского института. Личное дело Д. К. Заболотного.

В 1904 г. директор института Д. О. Отт добился от Министерства просвещения принятия нового «Положения», согласно которому Женский медицинский институт был приравнен в правах к государственному учреждению. На его слушательниц были распространены права студентов медицинских факультетов университетов. Заметно расширился учебный план и открылись новые кафедры. Руководители кафедр получили звания профессоров. Курс бактериологии был превращен в кафедру бактериологии, и в декабре 1904 г. Д. К. Заболотный был назначен «исправляющим должность экстраординарного профессора С.-Петербургского женского медицинского института по кафедре бактериологии... с оставлением его числящимся по Военно-медицинскому ведомству»¹.

В 1907 г. кафедре бактериологии было предоставлено отдельное здание, в котором было оборудовано 11 лабораторных комнат, число штатных ассистентов увеличивается до трех, организуются приват-доцентские курсы. К чтению лекций были привлечены впоследствии известные отечественные ученые Г. Д. Белоновский, П. П. Маслаковец, С. И. Златогоров, В. И. Недригайлов и др. В августе 1909 г. Д. К. Заболотный был утвержден ординарным профессором кафедры бактериологии Петербургского женского медицинского института.

Д. К. Заболотный пользовался огромной популярностью среди слушательниц. Он охотно делился с ними своим опытом и знаниями и этим привлекал их к работе в лаборатории. Окончившая этот институт в 1911 г. З. А. Игнатович вспоминает: «Первый раз я увидела Даниила Кирилловича в 1908 г. на лекциях по микробиологии, которые он читал в Петербургском женском медицинском институте. Курс медицинской микробиологии начинался со второго курса, третьего семестра. Надо отметить, что Даниил Кириллович, умением преподавать предмет, своей необычной простотой и доступностью как-то сразу и безраздельно завладел вниманием медичек. Мне теперь думается, что здесь играла роль не только исключительная обаятельность Даниила Кирилловича, но и то, что своим предметом он сумел непосредственно приобщить нас к медицинским наукам, да еще с большими практическими перспективами, что, несомненно,

---

¹ Архив I Ленинградского медицинского института. Личное дело Д. К. Заболотного.

чрезвычайно импонировало начинающим медичкам. Эпидемиология в то время не читалась отдельным предметом, а преподавалась вместе с микробиологией. Несмотря на то, что посещение лекций было необязательно, аудитория, где читал Даниил Кириллович, всегда была переполнена».

Популярность Д. К. Заболотного как педагога опиралась на его страстное желание ознакомить своих слушательниц с вопросами борьбы с инфекционными болезнями, и этим он сумел привлечь многих из них на сторону любимой науки. «Осенью 1909 г., — пишет З. А. Игнатович, — Д. К. организовал для группы медичек, которые больше интересовались предметом, экскурсию на «Чумный форт». ...Необычное местоположение форта, его конфигурация, мрачность, богато оснащенные лаборатории, беззаветные сотрудники, работающие со столь опасным материалом — все это на нас, еще малоискушенных в медицине, произвело большое и неизгладимое впечатление. Кроме того, в библиотеке стояли две урны с прахом погибших, которые заразились при работе с чумой. Над урнами горели неугасимые лампы. Усугублялось еще больше это потрясающее впечатление от несмолкаемого рокота моря, бившегося о круглые гранитные стены форта».

Д. К. Заболотный считал микробиологию отраслью естествознания, близкой к медицине и являющейся основной теоретической базой для выработки научного мировоззрения врача и навыков экспериментальной работы. В неопубликованной статье «О преподавании микробиологии на основании 30-летнего опыта (1898—1928)» он подчеркивал: «Эта наука должна развивать точность в наблюдении, доказательность в эксперименте и ясность в выводах»¹. Поэтому он настойчиво пропагандировал преподавание микробиологии в высшей медицинской школе и необходимость создания самостоятельных кафедр бактериологии. В этом отношении интересно его выступление на совещаниях по бактериологии и эпидемиологии в январе 1911 г. Доклад о преподавании бактериологии на медицинских факультетах делал Л. А. Тарасевич, который считал, что основной целью деятельности

---

¹ Заболотный Д. К. Рукопись. — Л.: Музей кафедры микробиологии им. Д. К. Заболотного I Ленинградского медицинского института.

этих кафедр должно быть изложение биологических свойств микробов и явлений иммунитета. Однако Д. К. Заболотный, выступая в прениях, справедливо указал: «Создание в оборудованных лабораториях особых самостоятельных кафедр даст возможность подготовить сотрудников для серьезного изучения эпидемий, в чем особенно обнаружилась необходимость последнее время»¹. Эта мысль тогда была исключительно важной, так как врачи не получали специальной подготовки в области эпидемиологии и социальной гигиены.

К дореволюционному периоду деятельности Д. К. Заболотного следует отнести и его попытку преподавания курса эпидемиологии. 3 октября 1915 г. он сообщал директору Петербургского женского медицинского института, что «...в течение осеннего полугодия для слушательниц старших курсов будет прочитан курс эпидемиологии (1 час в неделю)». Однако начинание Д. К. Заболотного не получило поддержки.

С преподаванием в Петербургском женском медицинском институте связан также эпизод, хорошо характеризующий политические симпатии Даниила Кирилловича. В 1911 г. министр просвещения Л. Кассо писал директору Женского медицинского института: «Милостивый государь Александр Александрович! По полученным в министерстве сведениям, во время происходившей в текущем учебном году в Женском медицинском институте забастовки профессор Заболотный, застав однажды в своей аудитории только одну слушательницу, отказался читать лекцию, причем даже сделал слушательнице выговор. Спустя несколько дней на лекцию профессора Заболотного собрались в соответствующее время 5 курсисток, и когда профессор явился в аудиторию, то в резкой форме выразил свое неудовольствие по поводу того, что они самовольно нарушают принятое курсистками постановление о забастовке. Когда вслед за тем профессор Заболотный, намереваясь покинуть аудиторию, направился к выходу, то был остановлен одной из слушательниц, которая и обратилась к нему с просьбой исполнить возложенные на него как профессора обязанности, за уклонение от которых он должен подлежать ответственности. Однако это обращение не только оказалось без-

---

¹ Заболотный Д. К. Труды совещания по бактериологии, эпидемиологии и проказе. — СПб., 1913, с. 100.

результатным, но вызвало со стороны профессора некоторое глумление по отношению к слушательницам¹.

В 1909 г. Даниил Кириллович успешно завершил свои многолетние исследования, посвященные патогенезу сифилиса, и 21 марта конференция Военно-медицинской академии «...удостоила врача Д. К. Заболотного, выдержавшего установленные испытания и защитившего представленные им рассуждения под заглавием „К вопросу о патогенезе сифилиса“ степени доктора медицины».

К моменту защиты диссертации Даниил Кириллович был уже достаточно известным бактериологом и эпидемиологом, за его плечами был опыт многочисленных экспедиций во время эпидемий чумы и холеры, его работы нередко цитировались в специальной литературе, и поэтому выбор темы диссертации на первый взгляд кажется случайным. Однако если просмотреть список его научных трудов, то оказывается, что возбудителем сифилиса он интересовался уже давно и в 1904 г. сообщал о своих экспериментальных исследованиях по этому вопросу. А первые опыты заражения обезьян материалом, взятым от больных, были проделаны им еще в 1899 г. Правда, тогда заражение не увенчалось успехом, и только в ноябре 1903 г. ему удалось найти среди обезьян вид, восприимчивый к этой болезни. Такими обезьянами оказались бабуины, об этом он сообщил в журнале «Архив биологических наук» и продемонстрировал зараженных животных на заседании Петербургского сифилидологического общества. Это был важный шаг на пути изучения сифилиса — была получена экспериментальная модель для его изучения. Причем, как оказалось, бабуины были наиболее удобной моделью для изучения болезни. Они легко заражались, и картина болезни у них напоминала сифилис у человека. Д. К. Заболотный оказался на самом переднем крае изучения этой страшной болезни, и он, бесспорно, видел в мазках, взятых из язв зараженных им обезьян, спирохеты, открытые через год Ф. Шаудином и Е. Гоффманом.

В своей работе «Сифилис, его патогенез и этиология» он по этому поводу писал: «Первые находки Schaudinn'a и Hoffmann'a, опубликованные в 1905 г., относятся к мазкам из твердой язвы. В первой нашей публикации мы

---

¹ Либерман Л. А., Стадниченко М. В. Мікробіологічний журнал, 1940, № 1—2, с. 26.

сообщали о нахождении спирохет на препаратах, окрашенных, за 2 года до сообщения Schaudinn и тщательно просмотренных после появления его работы»¹. Но Ф. Шаудин и Е. Гоффман нашли бледную спирохету в язвах у больного человека, а Д. К. Заболотный наблюдал ее у зараженных животных, и ему нужно было обосновать и доказать их тождество. На это ушел тот драгоценный год, который и определил приоритет Ф. Шаудина. О трудностях этих исследований говорит тот факт, что Д. К. Заболотный не только перепробовал ряд способов окраски и просмотра препаратов из отделяемого сифилитических язв, но предложил свою модификацию ускоренной окраски спирохет. Кроме того, Д. К. Заболотным были изучены вопросы иммунитета и патогенеза сифилиса. Он убедительно доказал факт первичного размножения спирохет в серозном экссудате папул и сифилитических язв, а также распространение спирохет в организме по лимфатической системе.

В ноябре 1906 г. Д. К. Заболотный был назначен заведующим лабораторией по экспериментальной сифилидологии ИЭМ «с сохранением в служебном отношении прежних положений по званию исполняющего обязанности помощника зав. отделом общей микробиологии».

О результате своих исследований Даниил Кириллович доложил в сентябре 1906 г. на сифилидологическом конгрессе в Берне и в июне 1907 г. на XIV Международном гигиеническом конгрессе в Берлине, где он выступил с сообщением «О нахождении спирохет при сифилисе», а также на заседаниях Русского сифилидологического и дерматологического общества в Петербурге в 1905 и 1906 гг.

Таким образом, выбор темы докторской диссертации не был чем-то неожиданным или случайным. Эта работа явилась итогом почти десятилетних исследований, бывших самостоятельным и плодотворным направлением научной деятельности Д. К. Заболотного.

Борьбе с сифилисом был посвящен и доклад Д. К. Заболотного, зачитанный им на 10-м Пироговском съезде. Съезд проходил в Москве с 25 апреля по 2 мая 1907 г. и отражал события прошедшей революции 1905 г. В секретном донесении градоначальнику о его работе

¹ Заболотный Д. К. Сифилис, его патогенез и этиология. — СПб., 1909, с. 51.

охранное отделение сообщало: «На бывшем в Москве в текущем году X Пироговском съезде затрагивались вопросы, которые никак не могут быть признаны входящими в компетенцию съезда. Особенно же на заседаниях секции общественной медицины, где ораторы беспрерывно касались тем общего политического характера, и все заседания носили крайне оппозиционный по отношению к правительству характер»¹.

С ярким докладом «О голодании» выступил на съезде Л. А. Тарасевич. Он говорил, что причина голода зависит от общих социально-экономических условий России, а в постановлении съезда по этому поводу было записано: «Коренное предупреждение неурожая и ужасных повальных русских голодовок возможно только при полном преобразовании настоящего государственного строя на истинных демократических началах».

Боевой политический характер носило и выступление Даниила Кирилловича Заболотного. В своем докладе он подчеркнул, что сифилис является социальной болезнью и успешная борьба с ним возможна только при устранении тех социальных условий, которые способствуют его распространению. Он закончил доклад известным четверостишьем:

«И рухнет старое!
Иное будет время,
И на развалинах
Иная будет жизнь!»²

В дальнейшем Д. К. Заболотный прекратил экспериментальные исследования в области этиологии и патогенеза сифилиса, но живо интересовался этой проблемой и за год до смерти, в 1928 г., принял участие в Международном серологическом конгрессе в Копенгагене, где обсуждались вопросы серологической диагностики сифилиса.

Рассказывая о научно-педагогической работе Д. К. Заболотного в Петербурге, невольно обращаешь внимание на его удивительную работоспособность. Он все время расширял курс микробиологии, преподаваемый им в Женском медицинском институте, одновременно вел

¹ Страшун И. Д. Русская общественная медицина. — М.: Медицина, 1964, с. 32.

² Заболотный Д. К. Микробиология и патогенез сифилиса. — В кн.: Труды 10-го Пироговского съезда. М., 1907, с. 117.

интенсивные экспериментальные исследования в Институте экспериментальной медицины и создал там лабораторию экспериментальной сифилидологии. В это же время он оформил докторскую диссертацию, издал курс лекций по бактериологии и не прекращал свою практическую работу в качестве эпидемиолога, каждый раз немедленно выезжал на все эпидемии чумы и холеры. Так, в 1908—1909 гг., в разгар работы над диссертацией, Даниил Кириллович организовал и проводил широкие бактериологические обследования с целью выяснения факторов, способствующих распространению холеры и скрытого заразоносительства при этой болезни.

В 1901 г. началась шестая пандемия холеры. В 1904 г. она появилась в пределах России, в 1908 г. уже свирепствовала в 71 губернии страны, а в конце августа 1908 г. появилась в Петербурге. Эпидемия холеры в Петербурге продолжалась с 25 августа 1908 г. по 1 марта 1909 г. За это время заболело 10 122 человека и умерло от холеры 4216 человек. Наибольшее число заболевших пришлось на сентябрь, когда было зарегистрировано 6799 случаев холеры. По мнению Д. К. Заболотного, этот случай носил характер водной эпидемии и напоминал грозную эпидемию холеры 1892 г. в Гамбурге, когда заболело холерой 17 000 и умерло 8605 человек. Заболеваемость холерой в Петербурге длилась до лета 1909 г. и следом возникла вторая эпидемическая волна.

С самого начала эпидемии Д. К. Заболотный организовал бактериологические исследования воды, обследования больных холерой и лиц, соприкасавшихся с ними. Исследования проводились в четырех городских лабораториях, к работе в которых Д. К. Заболотный привлек многих своих сотрудников и учеников. В лабораториях работали С. И. Златогоров, Г. С. Кулеша, В. И. Яковлев, П. П. Маслаковец, А. А. Чурилина, М. А. Суражевская и многие слушательницы Петербургского женского медицинского института. Об объеме проделанной работы свидетельствует тот факт, что всего с 21 ноября 1908 г. по 1 декабря 1909 г. было сделано 27 415 лабораторных исследований и 3889 раз был обнаружен холерный вибрион. При исследовании воды он был найден в 1042 пробках.

Важным разделом работы явилось обследование материала от больных и соприкасавшихся (контактных) с ними людей. Для подтверждения диагноза и выяснения

путей распространения холеры было бактериологически обследовано 7530 больных холерой и 9737 контактных лиц. В результате этих исследований была подтверждена отмеченная еще в 1892 г. Д. К. Заболотным и И. Г. Савченко возможность выделения холерного вибриона от практически здоровых людей, т. е. факт вибриононосительства.

Существование большого числа здоровых носителей (вибриононосительства) было обнаружено в Германии во время холерных эпидемий 1892—1896 гг. (Р. Пфейффер, П. Фрош и др.). В России, где организовать массовые бактериологические обследования во время холерных эпидемий ранее не удавалось, эти данные были получены впервые и имели большое значение с точки зрения организации противоэпидемических мероприятий. На основании проведенных исследований Д. К. Заболотный пришел к важным эпидемиологическим выводам о путях передачи холеры и указал, что петербургская эпидемия холеры еще раз доказала необходимость самой широкой постановки бактериологических исследований при организации борьбы с заразными болезнями.

Время с момента переезда Д. К. Заболотного в Петербург до 1910 г. было одним из наиболее плодотворных периодов его научной и практической деятельности. В эти годы им были проведены имеющие огромный научный интерес экспериментально-бактериологические исследования при сифилисе, организованы широкие бактериологические обследования на холеру, приведшие к важным эпидемиологическим выводам. Изданы учебники по общей и частной бактериологии.

Однако ведущим направлением в научных исследованиях Даниила Кирилловича все же оставалось изучение чумы. В результате этих исследований, в основном законченных в 1913—1914 гг., было создано стройное учение об эпидемиологии чумы и обоснование системы профилактических и противоэпидемических мероприятий, надежно предупреждающих сейчас от эпидемий этой грозной болезни.

Материалы изучения чумы, холеры, сифилиса были изложены Д. К. Заболотным в ряде статей и монографий, из которых наиболее крупными являются: «Чума. Эпидемиология, патогенез, профилактика» (1907), «Холерная эпидемия 1908—1909 гг. в Петербурге» (1910), «К вопросу о патогенезе сифилиса» (1909) и др.

Однако, как писал известный советский ученый академик В. Л. Омелянский, «все же главная заслуга Даниила Кирилловича не в его кабинетных работах, а в неутомимой и в высшей степени плодотворной и, я бы сказал, блестящей деятельности в качестве специалиста-эпидемиолога»¹. Непосредственное участие его в борьбе с эпидемиями сыскало ему большую популярность и высоко оценивалось широкими врачебными кругами России. Так, в постановлении от 24 августа 1907 г., направленном директору Женского медицинского института, Астраханская губернская санитарно-исполнительная комиссия указывала «...на живое содействие пребывавшего в Астрахани Д. К. Заболотного, который охотно делился богатым опытом и специальными знаниями и способствовал выяснению весьма важных вопросов, касающихся противоэпидемических мероприятий. Кроме того, Д. К. Заболотный оказал неоценимую услугу г. Астрахани, ознакомив в двух своих лекциях более пяти тысяч человек населения с сущностью холеры и мерами борьбы против нее, а также положил начало противохолерным прививкам, любезно предоставив возможность желающим пользоваться его указаниями и опытом»².

Борьба с эпидемией чумы в Маньчжурии и на юго-востоке европейской России

Конец первого десятилетия XX столетия застал Даниила Кирилловича Заболотного в расцвете физических и духовных сил.

В апреле 1907 г. он уволился «по прошению от службы по Военно-медицинскому ведомству» и был зачислен по вольному найму заведующим лабораторией экспериментальной сифилидологии Института экспериментальной медицины. Одновременно он заведовал кафедрой бактериологии Петербургского женского медицинского института. В это время имя Д. К. Заболотного стало уже широко известным в медицинских кругах. Его исследования по этиологии и патогенезу сифилиса, бактериологии и эпидемиологии холеры и чумы получили признание

---

¹ Омелянский В. Л. Воспоминания. — Архив биологических наук, 1930, т. 30, вып. 1, с. 4.

² Архив I Ленинградского медицинского института. Личное дело Д. К. Заболотного.

Участники русской экспедиции в Маньчжурии, 1911 г. Сидят слева направо: А. А. Чурилина, Л. Л. Степанова, С. И. Златогоров, М. А. Суражевская, Д. К. Заболотный, Г. С. Кулеша, А. С. Яльцева; стоит — Л. В. Падлевский.

и были хорошо известны не только в России, но и за рубежом. Он неоднократно выступал на международных конгрессах и конференциях. Большой общественный резонанс имели его выступления на Пироговских съездах врачей.

Наряду с многогранной научно-практической деятельностью ученого-эпидемиолога Даниил Кириллович вел большую педагогическую работу. В это время расширялась научная и учебная база кафедры бактериологии, которой он заведовал. В 1908—1909 гг. вышли в свет его учебники по общей и частной бактериологии.

Д. К. Заболотный стал также общепризнанным лидером в области изучения чумы. Выдвинутая им в 1899 г. после экспедиции в Восточную Монголию гипотеза о роли диких грызунов (суслики и тарбаганы) в сохранении чумы в природе постепенно начала приобретать все больше сторонников. Ее поддерживали отечественные исследователи Ю. Д. Талько-Грынцевич, М. Ф. Шрейбер, Ф. Ф. Скшиван и др. Однако для полного признания эта гипотеза нуждалась в экспериментальном подтвержде-

нии. Для ее доказательства нужно было обнаружить возбудителя чумы у диких грызунов, а это не удавалось еще сделать никому. Отсюда понятен тот интерес, который проявлял Д. К. Заболотный к заболеваниям чумой на Дальнем Востоке, где он впервые заподозрил связь между распространением чумы среди людей и заболеваниями ею диких грызунов — тарбаганов.

По мнению Д. К. Заболотного, первые сведения о чумоподобных заболеваниях в Маньчжурии и Забайкалье нужно отнести к 1863 г., когда в Цагай-Олуевской станции Забайкальской области заболело и умерло несколько человек с симптомами тяжелого заболевания: сильный жар, головная боль, затемнение сознания и опухание подмышечных и паховых желез. По данным И. Л. Мартиновского и Г. Г. Моллера (1971), с 1888 по 1904 г. в Забайкалье было зарегистрировано 6 вспышек чумы, три из них были в поселке Соктуевском. Крупная эпидемия чумы была описана в 1899 г. в Монголии, и отмечены случаи чумы на Китайско-Восточной железной дороге на станции Инкоу.

Начиная с 1905 г. в отчетах Медицинского департамента царской России стали появляться указания на случаи чумы в Забайкалье и северо-восточной части Китая. Врачи, впервые наблюдавшие это заболевание, объясняли происхождение его заражением от больных тарбаганов. В 1910 г. заболеваемость чумой в Маньчжурии заметно возросла, а в 1911 г. разразилась огромная эпидемия.

Как пишет Д. К. Заболотный, эпидемия в Маньчжурии началась в июне 1910 г. в пограничном с Забайкальем районе. Причем было отмечено, что местные жители буряты и монголы хорошо знали эту болезнь. Они считали ее заразной, и, как указывалось в тибетской медицине, она вызывалась мельчайшими невидимыми простым глазом червячками, которые находятся в корнях некоторых растений, и тарбаганы, питаясь этими растениями, заболевают и затем передают эту болезнь. В октябре 1910 г. возникла крупная эпидемия на станции Маньчжурия. Заболело 392 человека, из них 391 человек умер, однако считают, что эти цифры далеко не точны, так как после таяния снега в окрестностях станции был обнаружен еще 191 труп. Небольшие вспышки чумы были зарегистрированы и на других станциях (Даурия, Петровский завод, Хайлар и др.). В октябре

1910 г. она появилась в центре Маньчжурии — в г. Харбине. Сначала это были единичные случаи заболевания. В январе 1911 г. эпидемия достигла максимума и стала свирепствовать в других городах и районах Маньчжурии. Кроме Харбина, случаи чумы были отмечены в Фудзяне, Цицикаре, Мукдене и Дальнем, а затем через море она проникла в Шанхай. В феврале 1911 г. эпидемией чумы было охвачено 13 городов и 156 поселков Маньчжурии. Регистрировалась легочная форма чумы, вызывавшая почти 100% гибель больных. Точных данных о числе умерших во время этой эпидемии нет. По мнению Д. К. Заболотного, от этой болезни в Маньчжурии погибло более 60 тыс. человек, а по данным Ву-Лиен-Те, — около 100 тыс. человек.

В ноябре 1910 г. Даниил Кириллович получил приглашение от правления Китайско-Восточной железной дороги приехать в Маньчжурию для организации борьбы с чумой. Он сразу начал готовиться к поездке. В воспоминаниях З. Игнатович можно прочесть: «В 1910 г. в Маньчжурии вспыхнула чума, для борьбы с которой был приглашен Д. К. как уже прославившийся организатор по борьбе с опасными инфекциями. Д. К. еще не знал, сколько ему понадобится помощников на месте, да и какие будут отпущены средства, но на всякий случай организовал группу медиков из своих же учениц для подготовки к борьбе с чумой». Однако решение вопроса об отпуске средств для организации экспедиции затянулось. Только в январе 1911 г. после длительных проволочек было решено направить в Маньчжурию небольшую русскую экспедицию, поэтому взять с собой всех подготовленных им медиков Даниил Кириллович не смог.

В состав экспедиции вошли, кроме Д. К. Заболотного (руководитель экспедиции), приват-доцент Женского медицинского института Г. С. Кулеша, помощник заведующего Московского бактериологического института Л. В. Падлевский, ассистенты Д. К. Заболотного — А. А. Чурилина и М. А. Суражевская, слушательницы Петербургского женского медицинского института Л. Л. Степанова и А. С. Яльцева, фельдшера К. Криворучка и Б. Буров, служитель П. Платонов. Кроме того, в Харбине в работе экспедиции приняли участие врачи В. М. Богущкий, П. Б. Хавкин, П. П. Попов, П. В. Крестовский, а также врачи и студенты-медики, добровольно прибывшие

из разных городов России для борьбы с эпидемией чумы в Маньчжурии.

Участница экспедиции А. С. Яльцева-Попова рассказывает: «Экспедиция выехала из Петербурга в начале февраля 1911 г. в Харбин экспрессом. Ехали до Харбина 9 дней. Для экспедиции в экспрессе был выделен специальный вагон. Во время дороги обсуждались вопросы будущей работы и заканчивались начатые в Петербурге прививки против чумы. В Харбине гостиница, в которой мы жили, была расположена в китайской части города. Ежедневно прозектор Г. С. Кулеша с двумя ассистентами — врачом и медичкой — выезжали на вскрытие чумных трупов. Перед вскрытием мы одевались в особые костюмы из прорезиненной материи. На нос и рот еще до шлема надевался респиратор, состоящий из марли с прослойкой ваты... В таком одеянии мы работали на вскрытии. После вскрытия нас в этих костюмах обливали с головы до ног из гидропульта дезинфицирующей жидкостью и только после дезинфекции мы снимали все это одеяние... еще раз тщательно мыли и дезинфицировали руки, снимали халаты и возвращались в лабораторию»¹.

К приезду экспедиции эпидемия чумы в Харбине шла уже на убыль, однако в соседних городах и районах Маньчжурии ежедневно регистрировались сотни заболеваний чумой. Особенно грозный характер приняла эпидемия в соседнем с Харбином городе — Фудзядяне. Харбинская газета «Новая жизнь» в январе 1911 г. писала: «Гробы с трупами умерших китайцев вывозились ежедневно за город, где их оставляли, не захоранивая, даже не прикрыв землей. Чтобы ближе наблюдать эту страшную картину, надо перейти через пропускной пункт у переезда. И сейчас же вы — в царстве мертвых. Трупы везде. Стоят отдельные группы фанз, в стороне от них трупы. По официальным сведениям, в день умирало по 141—150 человек. В действительности 200 человек и более...². За время эпидемии в Харбине от чумы погибло 6000 человек, а в Фудзядяне из 35 000 жителей после эпидемии осталось 12 000 человек.

¹ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный. — М.: Медгиз, 1958, с. 60—62.

² Мартиневский И. Л., Молляре Г. Г. Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910—1911 гг. (Героический подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней). — М.: Медицина, 1971, с. 64.

Борьбой с эпидемией чумы в Харбине занималась городская санитарно-исполнительная комиссия, при которой было создано Особое противочумное бюро, руководившее противоэпидемическими мероприятиями в городе и его окрестностях, а также на так называемой полосе отчуждения, принадлежавшей Китайско-Восточной железной дороге. По указанию Д. К. Заболотного усилия противоэпидемической организации были направлены на медицинское наблюдение за состоянием здоровья населения в Харбине и его окрестностях с целью возможно раннего выявления очагов чумы и изоляции больных; на общие санитарно-гигиенические мероприятия, улучшение жилищных условий жизни населения, устройство ночлежных и питательных пунктов для бездомных и безработных; на дезинфекционные мероприятия и медицинский контроль за всеми прибывавшими в город. Для проведения всех этих мероприятий город был поделен вначале на 8, а затем на 16 врачебных участков. На каждом врачебном участке работал 1 врач, 2 фельдшера и 4 санитары. Кроме того, в городе были созданы летучий санитарный отряд для транспортировки больных и трупов, 4 дезинфекционных отряда, 2 бактериологические лаборатории, 7 врачебно-пропускных, 3 прививочных и 1 чумной пункт с бараками для обсервации здоровых, изоляции лиц с подозрением на заболевание чумой и лечения больных.

Наиболее трудной и опасной была работа в летучем санитарном отряде и «чумной» больнице. В каких условиях работал медицинский персонал летучих отрядов и каким опасностям он подвергался, описал студент И. В. Суворов. «11 января, — рассказывает он, — я встретил у одной из фанз на Базарной улице Марию Александровну (врач М. А. Лебедева умерла от чумы 14 января 1911 г. — К. В.). Я подошел и от нее узнал, что в этой фанзе она уже обследовала 11 тяжелобольных и уже нашла четыре трупа. Я хотел зайти туда же, так как такого скопления больных в одной небольшой фанзе я не видал еще, но она прямо закрыла мне дорогу, „я там была“, — был ее категорический ответ. — Никакие доводы не действовали... Левый рукав ее халата до самого плеча и ниже локтя имел пятна желтого цвета, полы в нескольких местах были запятнаны кровью: это, по ее словам, она запачкалась, влезая на чердак... Довольно скоро была взломана крыша, но когда мы туда подня-

лись по подставленной лестнице, то увидели, что отверстие было мало... Мне с санитаром летучего отряда (ныне тоже покойным, заболевшим через 4 дня) пришлось руками отламывать доски... Потом стали спускать труп: я с санитаром держал веревку, а Мария Александровна багром сталкивала его с покатою крыши. Затем я с санитаром залез внутрь чердака... Картина представлялась ужасная: прямо против отверстия лежал еще труп, влево в углу — другой. Один больной, лежавший посреди чердака, был уже в предсмертных судорогах, другой, в самом углу направо, сидел и обвертывал для чего-то свою ногу одеялом, потом снова развертывал, очевидно в бреду. Следующие трупы вытаскивали отсюда я с санитаром вдвоем, что заняло, вероятно, минут 20. За это время первый больной уже умер, а второй спустился по лестнице внутрь фанзы»¹.

За время эпидемии личный состав летучего отряда пришлось дважды сменить, так как после заболевания кого-нибудь из его персонала остальные каждый раз подвергались обсервации.

В феврале летучий отряд обнаружил вокруг Харбина множество незахороненных трупов людей, погибших от чумы. Стали обследовать окрестные деревни и сразу выявили там очаги чумы. В одной из фанз в деревне Модягоу доктор Беатриса Михайловна Паллон (Бутовская) нашла 3 больных и 8 умерших от чумы и среди них увидела 6-летнего мальчика, он сидел возле больного отца и трупа матери. Ребенок оказался здоровым, хотя все время находился в самом близком общении с больными чумой. Мальчика звали Ян Гуй. Он быстро стал любимцем всей русской экспедиции, чувствовал, что его любят и рады ему. К концу недели он уже знал несколько слов по-русски, особенно подружился он с Б. М. Паллон. Даниил Кириллович часто заходил посмотреть на Ян Гуя и, наконец, попросил Беатрису Михайловну отдать ему ребенка. После некоторых колебаний она согласилась. М. К. Бутовский рассказывал, что Даниил Кириллович был необычайно обрадован и с нарочным отправил мальчика в Петербург с письмом к жене. Трогательно было

---

¹ Мартиневский И. Л., Молляре Г. Г. Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910—1911 гг. (Героический подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней). — М.: Медицина, 1971, с. 118.

прощание Ян Гуя с Б. М. Паллон. Глядя ей руку, он говорил: «Пасибо... мама... люблю!» Вернувшись из экспедиции Д. К. Заболотный усыновил мальчика, который после этого стал называться Яном Гуй Заболотным.

Русские врачи проявили истинный героизм в борьбе с эпидемией в Маньчжурии. Постоянно рискуя жизнью, они организовали и провели огромную работу по борьбе с чумой. Из состава русского медицинского персонала при выполнении служебных обязанностей заразились и погибли от чумы 25 человек. Среди врачей и студентов, непосредственно помогавших в работе экспедиции Д. К. Заболотного, заразились и погибли врачи М. А. Лебедева и В. М. Михель, студенты-медики Л. М. Беляев и И. В. Мамонтов, фельдшера В. П. Огнев, И. Василенко, М. Галай, А. Г. Снежко и 17 санитаров. Все погибшие добровольно приехали в Маньчжурию, чтобы помочь жителям далекой провинции Китая в трагические для них дни народного бедствия. Они знали, что рискуют своей жизнью, но оставались на своем посту до тех пор, пока могли еще работать. Илья Мамонтов в письме к матери за несколько часов до смерти писал: «Мне жалко, может быть, что я так мало поработал, но я надеюсь и уверен, что теперь будет много работников, которые отдадут все, что имеют, для общего счастья и, если потребуется, не пожалеют личной жизни. Жалко только, если погибнут даром, без дела. Я надеюсь, что сестры будут такими работниками. Я представляю счастье, каким было для меня работа с ними, но раз не выходит, что поделаешь... Жизнь теперь — это борьба за будущее... Надо верить, что все это не даром, и люди добьются, хотя и путем многих страданий, настоящего человеческого существования на земле, такого прекрасного, что за одно представление о нем можно отдать все, что есть лучшего и саму жизнь...»¹.

Вспоминая фельдшеров и санитаров, погибших в борьбе с эпидемией, доктор П. Б. Хавкин говорил: «Надо прежде всего сказать о всех — они были героями в своей работе. В самый разгар эпидемии, когда люди умирали сотнями, когда не было времени спать, они, собираясь ночью по тревожному вызову участковых вра-

---

¹ *Мартиневский И. Л., Молляре Г. Г. Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910—1911 гг. (Героический подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней).* — М.: Медицина, 1971, с. 126.

чей, надевая халаты, шутили, ободряли друг друга»¹. Всего же во время эпидемии чумы в Маньчжурии погибло 942 медицинских работника: 8 врачей, 4 студента-медика, 6 фельдшеров и 924 санитаря.

В конце эпидемии, 22 марта 1911 г., в Мукдене по предложению китайского правительства открылась Международная противочумная конференция. В ней участвовали представители 11 стран: Китая, России, США, Франции, Англии, Германии, Италии, Австро-Венгрии, Голландии, Мексики и Японии. Сюда прибыло много известных ученых — эпидемиологов и микробиологов. Русскую делегацию возглавлял Даниил Кириллович Заболотный. На открытии конференции присутствовал правитель Маньчжурии вице-король и высокопоставленные китайские сановники. Первый день был посвящен памяти погибших в борьбе с чумой врачей. Д. К. Заболотный и П. Б. Хавкин доложили о деятельности русских врачей в Маньчжурии. Программным вопросом научных заседаний стал вопрос о происхождении здесь чумы.

В то время уже было объяснено происхождение портовых эпидемий чумы: их связывали с заболеванием крыс. Однако в Маньчжурии все было значительно сложнее. Крысы здесь не играли какой-либо роли в сохранении и распространении чумной инфекции. Профессор Сибаяма скрупулезно обследовал в Восточном Китае, Маньчжурии и Монголии 30 000 крыс и ни разу не обнаружил среди них особей, зараженных чумой. Нельзя было объяснить возникновение чумы заносом заразы из портов или каких-либо крупных населенных пунктов. Наоборот, эпидемия распространялась из малонаселенных районов Азии к густонаселенному побережью южных морей. И наконец, преобладающей формой была не бубонная, а особенно опасная — легочная форма чумы. Ближе всех к решению этих загадок был Д. К. Заболотный, давно уже указывавший на участие диких грызунов в сохранении чумной инфекции в природе и вместе с русскими врачами, работавшими в Забайкалье, считавший, что болезнь связана с тарбаганьей чумой.

Однако пока от тарбаганов, выловленных в очагах болезни, не была получена чистая культура чумных микробов. Все это оставалось лишь предположением, поэто-

---

¹ Там же, с. 134.

му в докладе, зачитанном на мукденской конференции, Д. К. Заболотный весьма осторожно сказал, что природа «тарбаганьей болезни» в настоящее время еще не выяснена и говорить о ней определенно можно будет тогда, когда ее изучат бактериологически». Даниил Кириллович тогда, конечно, и не подозревал, что пройдет всего два с половиной месяца и он экспериментально докажет роль тарбаганов в сохранении чумной инфекции. В Мукдене же, где вокруг тарбаганьей болезни развернулась горячая дискуссия, отголоски которой проникли даже на страницы газет, он не всегда мог что-либо противопоставить своим оппонентам. И в резолюции конференции было записано, что болезнь распространялась через людей при непосредственном контакте и не доказано, что эпизоотии среди грызунов явились первопричиной ее распространения.

Большой интерес на конференции вызвали доклады представителя русской экспедиции Г. С. Кулеши о патологической анатомии чумы, в котором он указывал на роль слизистых оболочек как входных ворот для чумной инфекции, и японского делегата Сибаямы о заразительности мокроты больных чумой. По всей видимости, именно эти сообщения позволили Д. К. Заболотному сделать в «Отчете экспедиции» вывод, «...что развитие легочной или бубонной формы чумы зависит исключительно от путей проникновения заразы». На конференции обсуждался также вопрос об эффективности лечебной сыворотки.

Японские исследователи считали, что она достаточно эффективна, европейцы же, наоборот, относились к применению сыворотки скептически. По предложению представителя китайского правительства последнее заседание конференции в Мукдене проводилось за закрытыми дверями, корреспонденты не были допущены и резолюция была опубликована позднее.

К середине апреля 1911 г. эпидемия чумы в Маньчжурii закончилась. И в конце апреля — начале мая большая часть участников экспедиции выехала на Родину. Только Д. К. Заболотный с тремя своими помощниками — врачами А. А. Чурилиной, П. В. Крестовским и студентом Л. М. Исаевым продолжали поиски. Поезд, к которому был прицеплен вагон-лаборатория, медленно двигался из Харбина в Забайкалье. Почти на каждой станции вагон-лабораторию отцепляли, и участники экс-

Рисунок из Харбинской газеты.

педиции выходили в степь и ловили тарбаганов для того, чтобы исследовать их: не содержат ли они возбудителя чумы. Но положительных находок все не было. И только 12 июня 1911 г. около станции Шарасун (между станциями Борзя и Маньчжурия) Л. М. Исаеву удалось поймать в степи больного тарбагана, и Д. К. Заболотный выделил от него палочку чумы. Таким образом, цепь замкнулась и было доказано, что животные, живущие в природе, могут длительное время сохранять в себе возбудителя чумы.

В 1926 г. Д. К. Заболотный писал: «На основании многочисленных обследований можно с уверенностью сказать, что причиной эндемичности чумы в Забайкалье и постоянно повторяющихся уже десятки лет вспышек чумных заболеваний среди людей в Маньчжурии, Монголии и Забайкалье является эпизоотия чумы на тарбаганах (тарбаганья болезнь). Успешность в выяснении причин эндемичности чумы в Забайкалье заставила предпринять обследования по тому же плану в Киргизских степях. Эти обследования были предприняты си-

стематически по плану, выработанному коллективно в конце 1911 г. в Астраханской лаборатории...»¹.

Участниками русской экспедиции в Маньчжурии были собраны важные эпидемиологические и клинические наблюдения и проведены многочисленные бактериологические и патологические исследования. В отчете о работе экспедиции Д. К. Заболотный, давая исчерпывающую эпидемиологическую характеристику легочной чумы, указывал на значение социальных факторов в распространении болезни. Результаты бактериологических исследований показали большую опасность заболеваний легочной формой чумы, а также устойчивость возбудителя чумы в окружающей среде при определенных метеорологических условиях. Окончательно был сформулирован вывод о том, что развитие легочной или бубонной формы чумы зависит от путей проникновения инфекции. Однако особенно важным было утверждение: «Эпизоотии среди диких грызунов (тарбаганы в Монголии, Маньчжурии и Забайкалье) служат источником человеческой чумы; крысы не играли роли во время последней эпидемии в Маньчжурии» и далее «...Существование спонтанной чумы среди тарбаганов... объясняет эндемичность чумы в Маньчжурии и Монголии». Этот вывод имел решающее значение для последующего развития всех представлений о чуме и был подлинным открытием. Результаты исследований, проведенных во время экспедиции в Маньчжурию, явились также основой для решения вопроса о причинах эндемичности (постоянное наличие инфекционной болезни) чумы на юго-востоке европейской России.

В декабре 1911 г. Д. К. Заболотный собрал в Астрахани совещание специалистов, на котором присутствовали И. А. Деминский, Н. Н. Клодницкий, Г. С. Кулеша, и вместе с ними разработал план обследования вспышек чумы и эпизоотий (эпидемии среди животных) на грызунов. Выполнению этого плана в значительной мере способствовала развернутая на территории Астраханской губернии и Уральской области сеть противочумных лабораторий и пунктов, подчиненных Центральной лаборатории в Астрахани: в г. Урде (1909), Новой

---

¹ Заболотный Д. К. Причины эндемичности чумы на юго-востоке СССР. — В кн.: Чума на юго-востоке СССР и причины ее эндемичности. — Л., 1926, с. IX.

Казанке (1913), Новоузенске и Калмыкове (1913), Заветном и Владимировке (1914). В 1914 г. постоянная противочумная лаборатория была организована в Чите. Создание сети противочумных лабораторий позволило проводить исследования по эпидемиологии и эпизоотологии в небывало широких до того масштабах, и работы сотрудников этих лабораторий сыграли исключительную роль в изучении чумы. Особое значение имели исследования, проведенные Н. Н. Клодницким и И. А. Деминским. Н. Н. Клодницкий был одним из наиболее последовательных сторонников гипотезы о роли грызунов в сохранении возбудителя чумы в природе. Эту точку зрения он неоднократно высказывал в своих выступлениях и статьях. Впервые в мировой литературе он указал на значение верблюдов в эпидемиологии чумы, ему принадлежат также исследования о роли насекомых в распространении чумы и работы по изучению патогенеза этой болезни.

Ближайшим помощником Н. Н. Клодницкого и его заместителем по астраханской лаборатории был Ипполит Александрович Деминский (1864—1912), который также разделял его мнение о роли диких грызунов как хранителей чумной инфекции в природе. Поэтому, когда в августе 1912 г. в ряде мест Астраханской губернии возникли заболевания чумой и одновременно стали поступать сведения о массовой гибели в степи сусликов, он охотно встал во главе одного из отрядов, созданных для вылова и бактериологического исследования грызунов. Возглавляемый им отряд выехал в слободу Рахинка. Уже при первых бактериологических исследованиях были получены подозрительные на чуму культуры от сусликов и тушканчиков. Первое время И. А. Деминский забивал и вскрывал грызунов сразу после доставки их в лабораторию, однако вскоре он несколько изменил методику исследования и стал выдерживать подозрительных на заболевание чумой сусликов в специальном закрытом помещении до развития у них септицемии и гибели животных в силу естественного развития болезни. Эта методика оказалась более эффективной. Из органов павшего в лаборатории суслика была выделена чистая культура возбудителя чумы. Так был сделан второй после Д. К. Заболотного и А. А. Чурилиной крупный шаг по доказательству роли диких грызунов как резервуара чумной инфекции в природе. И. А. Деминско-

му впервые удалось показать, что суслики болеют чумой в естественных условиях. Ипполит Александрович хорошо понимал значение своего открытия и спешил закончить исследования, но случилось непредвиденное — он заразился чумой. 6 октября он почувствовал недомогание, а 9 октября в 8 ч 35 мин его уже не стало. И. А. Деминский догадывался о причинах своего заболевания, и в его бумагах осталась неотправленная Н. Н. Клодницкому телеграмма: «Я заразился от сусликов легочной чумой. Приезжайте, возьмите добытые культуры. Записи все в порядке. Остальное все расскажет лаборатория. Труп мой вскрыйте как случай экспериментального заражения человека от сусликов. Прощайте. Деминский»¹. Уже после трагической гибели И. А. Деминского пал еще один суслик, из органов которого Н. Н. Клодницкий выделил еще одну культуру чумного микроба.

В это же время в окрестностях хутора Романенко А. И. Бердников обнаружил заболевания чумой сусликов и тушканчиков. Весной 1913 г. исследования были значительно расширены. По инициативе Д. К. Заболотного было создано 10 исследовательских отрядов, которые выявили эпизоотию чумы среди грызунов на территории Астраханской и Саратовской губерний и Уральской и Донской областей. В этом же году Г. И. Кольцов обнаружил зараженных чумой мышей. Впоследствии один из участников этой работы И. И. Тихомиров писал: «1913 г. может без лишней скромности быть назван русскими эпидемиологами и бактериологами историческим годом в области изучения эпидемий чумы в России. В этом году под научным руководством Д. К. Заболотного была окончательно и вполне научно обоснована непосредственная этиологическая связь чумных эпидемий с чумными заболеваниями сусликов»².

Таким образом, была доказана связь заболеваний чумой людей с эпизоотиями среди грызунов, объяснена причина эндемичности чумы в ряде районов земного шара и выявлены крупнейшие очаги этой болезни: в Забайкалье и на Юго-Востоке европейской части России.

---

¹ Елкин И. И., Фролова В. В. И. А. Деминский. — М.: Медицина, 1974, с. 42.

² Тихомиров И. И. — В кн.: Чума на Юго-Востоке СССР и причины ее эндемичности / Под ред. Д. К. Заболотного и В. Л. Омелянского. — Л., 1926, с. 168.

Результаты исследований по выяснению роли грызунов в сохранении чумной инфекции в природе Даниил Кириллович докладывал на совещаниях по вопросам бактериологии и эпидемиологии и на съездах по борьбе с чумой.

Совещания бактериологов и эпидемиологов проводились по инициативе Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова и, по свидетельству Е. И. Яковенко, «являлись как бы малыми пироговскими съездами. В них участвовали преимущественно, как теперь бы сказали, активисты общественной медицины — санитарные врачи и эпидемиологи».

Д. К. Заболотный был одним из организаторов этих совещаний. Первое из них было объединено с конференцией по проказе и называлось «Совещание по бактериологии, эпидемиологии и проказе». Оно было проведено с 3 до 9 января 1911 г. в Петербурге, т. е. за несколько недель до отъезда экспедиции Д. К. Заболотного в Маньчжурию. Даниил Кириллович присутствовал на этом совещании и 6 января сделал доклад о чуме в Маньчжурии, в котором, в частности, обосновывал необходимость посылки туда русской экспедиции и обсуждал стоящие перед ней задачи.

Второе совещание было создано в 1912 г. Оно проходило с 28 марта по 1 апреля в Москве. Д. К. Заболотный принимал участие в его организации и был председателем одного из заседаний. Здесь были подведены итоги работы по изучению эпидемии чумы в Маньчжурии, и Даниил Кириллович сообщил о выделении им с сотрудниками в Забайкалье при возвращении из Маньчжурии от больного тарбагана культуры чумного микроба. Л. В. Падлевский рассказал об установлении им факта бактерионосительства при чуме. Доклады, посвященные маньчжурской чуме, сделали также С. И. Златогоров, Г. С. Кулеша, В. М. Богуцкий. Второй доклад Д. К. Заболотного на этом совещании был посвящен чуме в киргизских степях. В нем был представлен план обследований грызунов в очагах чумы в юго-восточных районах европейской России. Итоги изучения чумы в 1912—1913 гг. были подведены Д. К. Заболотным на съезде по борьбе с чумой и сусликами в марте 1914 г. в Самаре.

В августе 1914 г. началась мировая война. Д. К. Заболотный был командирован на театр военных действий. В рапорте на имя директора Петербургского женского

медицинского института он сообщил, что, согласно повелению верховного начальника санитарной части, выезжает в действующую армию, а заведование лабораторией и ведение практических занятий передает проф. С. И. Златогорову.

Царская Россия вступила в войну неподготовленной, в своем экономическом развитии она сильно отставала от других капиталистических стран, и колоссальные расходы на ведение войны быстро дезорганизовали ее народное хозяйство. Сразу сократились ассигнования на медицинскую помощь населению, повсеместно ощущалась нехватка медицинских работников и особенно врачей, большая часть из которых была призвана в армию. Из-за нехватки средств и медицинского персонала почти совсем свернули свою работу городские и земские санитарные организации. Все это быстро сказалось на эпидемическом состоянии страны. Буквально с первых же дней войны начала расти заболеваемость паразитарными тифами, кишечными инфекциями, малярией. Инфекционные заболевания постоянно регистрировались среди личного состава действующей армии. Медицинское обеспечение русской армии, в том числе организация противоэпидемических мероприятий на фронте, осуществлялось четыремя по существу независимыми организациями: военным ведомством, подчиненным верховному начальнику санитарной части, Всероссийским земским союзом, Всероссийским союзом городов и Обществом Красного Креста.

Д. К. Заболотный представлял верховного начальника санитарной части принца Ольденбургского и контролировал санитарное состояние и проведение противоэпидемических мероприятий в частях и соединениях действующей армии. Он побывал на Западном, Северо-Западном и Кавказском фронтах. В своих воспоминаниях врач З. Игнатович рассказывает о встречах с Даниилом Кирилловичем на фронте: «Случайно я узнала, что Д. К. Заболотный приехал во Львов, также в связи с неблагополучием по холере в армии. Я воспользовалась этим обстоятельством и немедленно написала письмо Д. К... Очень быстро я получила телеграмму о немедленном выезде во Львов для формирования бактериологической лаборатории. Одну из лабораторий предполагалось отослать в м. Масциско (недалеко от Перемышля), где стояло много военных госпиталей, в которых

накопилось большое количество солдат, выздоровевших после холеры. По существующему приказу Ольденбургского не разрешалось выписывать выздоравливающих солдат в части без двухкратного исследования на холерные вибрионы с отрицательным результатом... Во Львове при руководстве и непосредственном участии Д. К. была быстро сформирована лаборатория, а я с небольшим штатом направлена в м. Масиско в распоряжение санитарного отдела XI армии со специальным заданием».

В конце декабря 1914 г. Д. К. Заболотный принимал участие в организации и проведении 3-го совещания бактериологов и эпидемиологов в Москве. Оно называлось «Совещание бактериологов и представителей врачебно-санитарной организации по борьбе с заразными болезнями в связи с военным временем». С докладами выступили видные представители профилактической медицины: Л. А. Тарасевич, П. Н. Диатропов, Е. И. Марциновский, А. Н. Сысин, Д. К. Заболотный и др. Участники совещания обратили внимание правительства на необходимость проведения немедленных и всесторонних противоэпидемических мероприятий и безотлагательной помощи пострадавшему населению прифронтовой полосы. Рекомендовалось развернуть сеть врачебно-продовольственных пунктов и инфекционных госпиталей в полосе передового тыла. В резолюции совещания были затронуты также и некоторые стороны политической жизни страны. Так, например, указывалось, что «...правильное и широкое развитие санитарных мероприятий и в данном случае возможно лишь на почве твердой обеспеченности свободной и нестесняемой самостоятельности вовлеченных в эту работу широких общественных сил».

В феврале 1915 г. Д. К. Заболотный был откомандирован с фронта на постоянное место своей службы. Однако он не прерывал своей работы по санитарно-противоэпидемическому обеспечению армии. Он принимал активное участие в проведении прививочной кампании против кишечных инфекций, развернувшейся в русской армии в 1915 г. Для снабжения армии брюшнотифозной и холерной вакцинами Д. К. Заболотный создал на кафедре Петербургского женского медицинского института лабораторию, где производились эти препараты.)

Участие в организации советского здравоохранения. Борьба с эпидемией холеры в Петрограде

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому этапу в жизни и научной деятельности Д. К. Заболотного.

С первых же дней установления Советской власти Даниил Кириллович безоговорочно отдает себя делу строительства нового общества. Нарком здравоохранения Н. А. Семашко вспоминал: «Заболотный был одним из первых профессоров, которые охотно пошли в Наркомздрав после Октября, чтобы строить дело здравоохранения в Советском государстве. Еще в 1918 г. в Наркомздрав явился сгорбленный „бывший генерал“ Заболотный, тогда еще в военной форме, и предложил свои услуги научного консультанта»¹.

Известный историк советского здравоохранения М. И. Барсуков отмечал, «что многие выдающиеся русские ученые, как, например, акад. И. П. Павлов, акад. Д. К. Заболотный, проф. К. А. Тимирязев, проф. В. М. Бехтерев, продолжали работать в научных учреждениях в первые и последующие дни после победы Великого Октября. Более того, акад. Заболотный и проф. Бехтерев в те дни добровольно предложили свои услуги Советской власти и стали помогать в строительстве советского здравоохранения»².

Д. К. Заболотный принимал деятельное участие в организации советской медицинской науки. 9 марта 1918 г. он предложил на заседании Совета врачебных коллегий, тогда высшего медицинского органа Советской России, создать на базе Института экспериментальной медицины ученый медицинский совет. Он принимал также участие в обсуждении вопроса об организации и структуре ученого медицинского совета (УМС) Наркомздрава РСФСР.

Ученый медицинский совет Наркомздрава РСФСР, состоявший из представителей высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, носил совещательный характер. В его состав входили научные

¹ Семашко Н. А. Академик Д. К. Заболотный. Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1929, 18 декабря, № 298 (3834), с. 3.

² Барсуков М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. — М.: Медгиз, 1951, с. 92.

работники Москвы и Петрограда. От Института экспериментальной медицины (Петроград) в его состав был выбран Д. К. Заболотный.

Первое заседание УМСа состоялось 23 августа 1918 г. В его работе принял участие Д. К. Заболотный. Был выбран президиум в составе: председателя Л. А. Тарасевича, товарища председателя П. Н. Диатроптова и ученого секретаря В. В. Иванова. На этом заседании обсуждались вопросы, требующие первоочередного рассмотрения. Д. К. Заболотный предложил обсудить вопрос об издании медицинских книг и журналов, а также о подготовке эпидемиологического персонала для борьбы с эпидемиями. Он принимал участие еще в двух заседаниях, но в последующих участвовать не мог, так как в ноябре 1918 г. ему пришлось увезти свою больную жену из Петрограда в родное село Чеботарку. Однако в октябре 1918 г. он направил в УМС записку «О подготовке врачей-специалистов по эпидемиологии». В ней Д. К. Заболотный писал: «Постоянно вспыхивающие на территории бывшей России эпидемии холеры, тифов, дифтерита, чумы, а в последнее время легочных заболеваний, широкое распространение туберкулеза и сифилиса обуславливают наивысшую среди других стран смертность населения, доходящую до 39 на тысячу, вместо 13—15 наблюдаемых в Западной Европе. Будучи тесно связаны с социальными условиями, эпидемии находят благоприятную почву при плохом состоянии жилищного вопроса, условий питания, водоснабжения и неудовлетворительной охране труда.

Социальное благо в разгар революции требует устранения слепого и столь вредного фактора, как эпидемии.

Планомерная и рациональная борьба с ними невозможна без подготовленных, сплоченных общей идеей кадров работников. Если специализация по отдельным отраслям медицины, как хирургия, акушерство, офтальмология, венерические болезни, требует многолетнего стажа, то для эпидемиолога, которому приходится сталкиваться с более сложными социальными явлениями... нужна особая подготовка как в области социальных наук, так и в области основных доктрин гигиены, бактериологии, учения о заразных болезнях и профилактики...

...текущий момент властно требует опытных специалистов и в области социальной гигиены». Ученый медицинский совет рекомендовал открыть при медицинских

факультетах кафедры «общей бактериологии» и «заразных болезней с клиникой» (кафедры инфекционных болезней).

В августе 1919 г. истек срок полномочия членов УМСа. В это время Д. К. Заболотный находился на юге Украины, и поэтому Институт экспериментальной медицины на 1919—1920 гг. в состав УМСа избрал А. А. Владими́рова.

В 1918 г. Д. К. Заболотный принимал деятельное участие в подготовке 1-го съезда бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, который состоялся в Москве, но присутствовать на нем не смог, и поэтому его доклад «О подготовке врачей-специалистов по эпидемиологии» не был заслушан.

В 1917—1918 гг. Д. К. Заболотный проводил большую научную и научно-практическую работу. В марте 1917 г. по его настоянию в Институте экспериментальной медицины был создан отдел эпидемиологии, который он возглавил. Он предполагал, что этот отдел станет научно-методическим центром развития эпидемиологических исследований, а также и местом подготовки высококвалифицированных эпидемиологов. Под его руководством здесь проводились исследования по эпидемиологии гриппа в серодиагностике сыпного тифа. При отделе была организована вакцинно-сывороточная комиссия, предназначенная для координирования всей работы по производству вакцин и сывороток и их контролю в Петрограде. Она поддерживала постоянную связь с Московской сывороточно-вакцинной комиссией, возглавляемой Л. А. Тарасевичем.

В июне 1918 г. в Петрограде вспыхнула эпидемия холеры. Заболеваемость неуклонно увеличивалась, и Даниил Кириллович выступил на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Текст этого выступления не сохранился, но в рукописях Д. К. Заболотного неоднократно повторяется мысль о том, что «...научные знания должны быть доведены до каждого рабочего и крестьянина» и «священная обязанность врача сохранять самое высшее благо страны — здоровье народа». В стане врагов революции это выступление Д. К. Заболотного произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Посыпались возмущенные письма, в одном из них некий адъюнкт-профессор писал: «Милостивый государь, Даниил Кириллович!

Под впечатлением Вашего выступления в Совдепе я послал в редакцию газеты «Наш век» письмо, копию которого при сем прилагаю...» и далее автор письма требовал, чтобы Д. К. Заболотный дал «необходимые разъяснения» по поводу своего «неожиданного выступления в Совдепе»¹.

Как вспоминали сотрудники Д. К. Заболотного, таких писем было много и авторы их, очевидно, не понимали, что Даниил Кириллович «не изменил» и «не перешел» и тем более «не продан» Советской власти». Он всегда был со своим народом. Выходец из самых низов народа, он всегда мечтал о его освобождении и свершившуюся революцию принял как свое кровное дело. Отвечая своим злопыхателям, он с усмешкой говорил: «Что же Вы хотите, чтобы я заключил союз с холерой, оставляю, господа, это Вам!» Петроградский Совет отнесся к Д. К. Заболотному с полным доверием, и он фактически возглавил всю борьбу с холерой в Красном Петрограде, активно работая также в санитарно-эпидемиологическом совете при Комиссариате здравоохранения Союза коммун Северной области.

11 июня 1918 г. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов объявил, что все медицинские работники мобилизованы для борьбы с эпидемией. «Никто не имеет права отказаться от исполнения своих обязанностей, во время холеры врач — то же, что солдат на войне, за саботаж в этой области, за малейшую недобросовестность, за малейшее уклонение от исполнения обязанностей виновные будут караться беспощадно, вплоть до расстрела», — писала в это время газета «Северная Коммуна» — печатный орган Петроградского Совета.

Был издан приказ, обязывавший всех врачей, лечебные учреждения, домовых уполномоченных, управдомов и старших дворников при появлении первых случаев заболеваний холерой немедленно сообщать по телефону о всех подозрительных на холеру заболеваниях. Для сбора этих сведений в районных медико-санитарных отделах и при санитарно-эпидемиологическом подотделе Комиссариата здравоохранения были установлены спе-

---

¹ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный. — М.: Медгиз, 1958, с. 132.

циальные дежурства [Врач, определивший диагноз холеры, был обязан вызвать по телефону специальный санитарный транспорт и отправить больного в лечебное учреждение. Было приказано также развернуть в городских больницах койки для больных холерой.] За квартирами, в которых они проживали, устанавливался эпидемиологический надзор. Было обращено внимание на работу ремонтно-дезинфекционной бригады, созданной П. А. Пацановским, и на выполнение общих санитарно-гигиенических мероприятий. В ведении бригады находилась дезинфекционно-пропускная баня, предназначенная для проведения срочной санитарной обработки всех, кто соприкасался с заболевшими холерой. Были приняты срочные меры по улучшению водоснабжения. Рабочие водопроводных станций обеспечивались усиленным продовольственным пайком; было обращено внимание на получение хлорной извести и коагулята. По инициативе районных медико-санитарных отделов была развернута сеть специальных пунктов, где все желающие могли получить кипяченую воду или чай. Этими пунктами ведало «Бюро кипятильников», созданное при Комиссариате здравоохранения. В ноябре 1918 г. в городе был 81 пункт по снабжению кипятком.

[Принимались энергичные меры по очистке города, его улиц, дворов, каналов.] Санитарно-технической секцией Комиссариата здравоохранения была разработана схема санитарного дневника, в котором отражалось санитарно-техническое состояние домов. Для введения в жизнь этих дневников было создано «Центральное бюро санитарных дневников». Эти меры позволили осуществить систематический санитарный контроль за жилым фондом города. Было обращено внимание на санитарное состояние торговли пищевыми продуктами. По предложению санитарно-эпидемиологического совета было принято специальное постановление, регламентирующее торговлю продуктами питания и строго требующее выполнения всех санитарных правил.

[Одновременно была организована широкая санитарная пропаганда. На предприятиях, в учреждениях, театрах выступали с лекциями и беседами врачи и ученые-медики. Было развернуто несколько санитарно-просветительных выставок, по улицам ходили так называемые агиттрамваи, оснащенные санитарными плакатами и лозунгами.]

По предложению Д. К. Заболотного был разработан план прививочной кампании и для ее проведения было создано бюро прививочных отрядов, которое он сам возглавил. Активное участие в его деятельности принимали А. А. Владимиров, В. И. Яковлев, Н. П. Василевский. Прививки проводились на прививочных пунктах. Штаты их состояли из двух врачей, дезинфектора и трех санитаров. Кроме того, в городе и губернии действовали прививочные отряды. По данным В. А. Базанова (1970), к концу июля 1918 г. в Петрограде было открыто 14 холерных пунктов, а на территории Северной области действовали 23 прививочных отряда. Для приготовления вакцины были привлечены лаборатории эпидемиологического отдела Института экспериментальной медицины и лаборатория кафедры микробиологии Петроградского женского медицинского института. Обе эти лаборатории возглавлялись Д. К. Заболотным.

В результате энергичных и вовремя принятых мер эпидемия холеры быстро пошла на убыль и была ликвидирована в очень короткий срок, по существу в течение трех месяцев. Борьба с холерой, по справедливому замечанию врача П. Б. Хавкина, явилась «пробным камнем врачебно-санитарной работы в обстановке обновленного социального строя». Английская газета «Дейли ньюс» 20 августа 1918 г. вынуждена была отметить: «Несмотря на печальное положение продовольственного дела, удалось справиться с холерой... Советское правительство приняло очень энергичные меры. Населению была предоставлена в изобилии кипяченая вода, во многих пунктах проводились бесплатно холерные прививки. Предохранительные против холеры меры были при Советском правительстве организованы лучше, чем при царском режиме, что без сомнения свидетельствует о его организационном таланте».

Д. К. Заболотный говорил впоследствии о том, насколько удивительными показались первые успехи Советской власти в борьбе с эпидемиями и «...нашим западноевропейским соседям, оценившим в прессе целесообразность и успешность мероприятий».

Советское правительство и лично В. И. Ленин строго контролировали организацию противохолерных мероприятий. 9 июля 1918 г. управляющий делами СНК РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич по распоряжению В. И. Ленина предложил Совету врачебных коллегий «...в самый

кратчайший срок выработать меры к борьбе с надвигающейся холерой» и о всех выработанных мерах в спешном порядке представить сведения в Управление делами Совнаркома¹.

Д. К. Заболотный живо интересовался также вопросами борьбы с чумой. Война дезорганизовала деятельность противочумных учреждений. Заметно уменьшился объем противоэпидемических мероприятий, проводимых в очагах болезни. Однако распространение чумы продолжалось. По данным И. А. Добрейцера, с 1913 по 1926 г. на юге-востоке России заболело чумой 1675 человек и умерло 1495 человек. Заболевания наблюдались на огромной территории в виде отдельных небольших весенне-летних и зимних вспышек. Неоднократно возникали заболевания чумой в Средней Азии и Закавказье. Не прекращались эпидемии чумы в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Несмотря на крайне тяжелые условия гражданской войны и разрухи, Советское правительство принимало экстренные меры для борьбы с чумой.

В марте 1918 г. Совет врачебных коллегий поддержал инициативу Д. К. Заболотного, предложившего возобновить прерванные мировой войной обследования на Юго-Востоке России. Было ассигновано 100 500 р. на организацию 3 противочумных лабораторий и 3 отрядов для работы в Астраханской, Саратовской и Уральской областях. В октябре 1918 г. Советским правительством было принято решение о создании в Саратове Института микробиологии и эпидемиологии (ныне Всесоюзный научно-исследовательский противочумный институт «Микроб»). Ему была передана часть оборудования закрытой в 1917 г. противочумной лаборатории в Кронштадте («Чумный форт»).

30 мая 1921 г. В. И. Ленин подписал декрет «Об обеспечении работников, ведущих борьбу с эпидемией чумы людей». Медицинским работникам, проводящим противочумные мероприятия, выделялось «особое добавочное вознаграждение», продовольствие и спецодежда; они переводились на питание по усиленной норме.

---

¹ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 352, л. 200.

Поездка на Украину. Создание кафедры эпидемиологии в Одессе (1918—1923)

В 1918 г. тяжело заболела жена Д. К. Заболотного — Людмила Владиславовна Заболотная-Радецкая. С каждым месяцем состояние ее ухудшалось, и в конце 1918 г. Даниил Кириллович был вынужден покинуть Петроград. Он надеялся, что переезд на Украину спасет жену. Поезда шли тогда очень медленно. Несколько недель потребовались Заболотным для того, чтобы добраться до родных мест. Дорогой Людмила Владиславовна умерла. Даниил Кириллович привез в Чеботарку ее тело и похоронил рядом со своим домом.

В письме к своему ученику К. М. Гродскому Даниил Кириллович писал из Чеботарки 27 января 1919 г.:

«Дорогой Константин Михайлович! Пишу Вам из деревни, где похоронил жену и нахожусь уже два месяца. Тяжелая утрата выбила меня из колен. Первое время ничего не мог делать. Течение ее болезни ухудшалось вследствие недостатка питания в Петрограде, и она решила переехать на юг и здесь работать. Летом задержала нас холера, и теперь я виню себя, что не приехал раньше. Путь наш длился в санитарном поезде три недели до Киева».

В Чеботарке Д. К. Заболотный пробыл более года. Постепенно горечь утраты любимой жены начинает стихать, и Даниил Кириллович снова включается в активную деятельность. Он был избран членом Ольгопольского уездного Совета и назначен народным комиссаром здравоохранения и просвещения уезда. Сохранились интересные документы, свидетельствующие о деятельности Д. К. Заболотного на этом посту.

В мае 1919 г. им было разослано следующее отношение:

«Всем школам уезда. Учителя всех школ уезда обязаны немедленно прислать в Ольгопольский уездный отдел народного просвещения сведения:

1) сколько в школе печей: кухонных и согревающих отдельно;

2) какова потребность в дровах на целый год (пудов или штабелей);

3) нуждается ли школа в ремонте и каком именно — мелком или капитальном (обозначить необходимые работы);

- 4) какая мебель необходима для школы;
- 5) имеет ли школа усадьбу и ее размеры;
- 6) есть ли в школе сарай и погреб;
- 7) какое количество книжек и пособий необходимо отдельно для каждой группы и класса.

*Комиссар просвещения
профессор Заболотный
Заведующий хозяйством
Пелюх. 27 мая 1919 г.»¹*

Наряду с этим Даниил Кириллович вел и лечебную работу. Он боролся с разразившейся в уезде эпидемией сыпного тифа. Совмещая работу в здравотделе с приемом больных, он беседовал с крестьянами на медицинские темы, и именно тогда возникла у него идея создать в селе Чеботарке «хату здоровья» — образец здорового сельского жилища. Эта мысль не покидала Д. К. Заболотного в течение многих лет, и в 1924 г. при его участии в Чеботарке была создана первая на Украине «хата здоровья» как центр санитарного просвещения на селе. Были опубликованы беседы, проводимые Д. К. Заболотным с крестьянами. Они назывались «Листив до селян про здоров'я». Эти листы были посвящены памяти Л. В. Заболотной-Радецкой, «беззаветно работавшей для проведения науки в жизнь трудящегося народа». Эпиграфом к ним Д. К. Заболотный взял слова Н. А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное» и Т. Г. Шевченко: «Учітеся брати мої, думайте, читайте».

Д. К. Заболотный вынашивал также мысль о создании в Чеботарке гимназии, а в Виннице — медицинского факультета. В 1922 г. в письме губернскому исполнительному комитету он писал: «Местом, где можно было бы воспитать врачей, которые жили бы одной жизнью со своими больными и разговаривали бы с ними на родном языке, есть, между прочим, город Винница»².

К концу 1920 г. территория Украинской ССР была полностью освобождена от белогвардейских войск и оккупантов и началось восстановление разрушенного народного хозяйства. Произошли существенные социаль-

¹ Винницкий областной государственный архив, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 20, л. 43.

² Винницкий областной государственный архив, ф. 254, оп. 1, ед. хр. 3, л. 206.

ные преобразования. Были национализированы промышленные предприятия, транспорт и банки, ликвидирована помещичья собственность на землю.

Восстановление и развитие народного хозяйства Украины велись в тесной связи и при братской помощи всех народов Советской России, под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Началось быстрое восстановление учреждений здравоохранения. Строительство советского здравоохранения происходило в чрезвычайно тяжелых условиях послевоенной разрухи и широкого распространения инфекционных болезней, в частности, эпидемии сыпного тифа. Борьба с эпидемиями выдвигалась как одна из первоочередных государственных задач и привлекала к себе самое пристальное внимание руководителей нашей партии и правительства.

1 марта 1920 г. В. И. Ленин говорил: «Всю решительность, весь опыт гражданской войны мы должны обратить на борьбу с эпидемиями»¹. Для борьбы с эпидемиями принимаются чрезвычайные меры. 16 февраля 1920 г. на Украине специальным постановлением Всеукраевского и Реввоенсовета Юго-Западного фронта «...в целях фактического создания единого противоэпидемического фронта, объединения всех сил УССР вокруг борьбы с эпидемиями и проведения санитарной диктатуры...»² учреждается Временная центральная чрезвычайная санитарная комиссия с исключительными полномочиями.

В связи с организацией широких противоэпидемических мероприятий приобретала все большее значение специальная подготовка врачей в области борьбы с инфекционными болезнями человека. В связи с этим Д. К. Заболотный обратился в Народный комиссариат просвещения Украинской республики, которому была тогда подчинена высшая медицинская школа, с предложением организовать в Одессе специальную кафедру эпидемиологии для подготовки врачей в области борьбы с эпидемическими болезнями.

Развитие медицинских наук характеризуется закономерным процессом дифференциации медицинских зна-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 188.

² Известия ВУЦИКа и Харьковского губревкома, 1920, 17 февраля.

ний, выделением и обособлением новых научных дисциплин. Однако отмечено, что выделение той или иной науки в отдельную область медицинских знаний только тогда приобретает необратимый характер, когда она не только становится областью самостоятельных научных исследований, но и выделяется в самостоятельный предмет преподавания.

Эпидемиология как самостоятельная наука появилась в конце XIX века. В это время появилась новая медицинская специальность — эпидемиолог. Стали создаваться эпидемические отряды и лаборатории эпидемиологии в научно-исследовательских учреждениях. Но эпидемиология все же не имела еще полного статуса самостоятельной научной дисциплины, ее часто и совершенно произвольно смешивали с гигиеной, бактериологией и даже клиникой инфекционных болезней. Для того чтобы эпидемиология окончательно и бесповоротно выделилась в самостоятельную область медицинских знаний, нужно было сделать еще один важный шаг — выделить ее в самостоятельный предмет изучения и преподавания в высшей медицинской школе. И это было сделано трудами и усилиями Даниила Кирилловича Заболотного, создавшего первую в мире самостоятельную кафедру эпидемиологии. Это был важный революционизирующий шаг. Д. К. Заболотный, как никто другой, был подготовлен для этого всей своей многолетней научно-практической деятельностью эпидемиолога, изучавшего и боровшегося с эпидемиями чумы, холеры, кишечных инфекций.

В своих воспоминаниях известный земский врач-общественник Е. И. Яковенко писал: «Даниил Кириллович Заболотный имел большой авторитет в эпидемиологических вопросах. Строго говоря, он был единственным у нас эпидемиологом, соединявшим основательные знания бактериолога с воспринятыми из живой действительности практическими знаниями санитарных условий и бытовой обстановки. Быть бактериологом или гигиенистом — еще не значит быть эпидемиологом»¹. Даниил Кириллович умел соединить в себе и гигиениста, и бактериолога, и практического санитарного врача.

---

¹ Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный. — М.: Медгиз, 1958, с. 160.

По всей видимости, именно эти качества и позволили Д. К. Заболотному раньше других понять необходимость выделения эпидемиологии в самостоятельный предмет преподавания. Как уже говорилось, впервые в законченном виде эта мысль была высказана им в докладной записке, поданной в УМС Наркомздрава РСФСР, а затем в тезисах доклада, представленного в октябре 1918 г. на первом совещании бактериологов и эпидемиологов в Москве. В тезисах указывалось на необходимость учреждения «во всех медицинских факультетах трех новых кафедр: 1) общей бактериологии; 2) эпидемиологии и социальной гигиены; 3) заразных болезней с клиникой». Однако в последующем, когда в 1920 г. Даниил Кириллович обратился в Наркомпрос о создании самостоятельной кафедры эпидемиологии, речь шла уже только об одной эпидемиологии.

12 июня 1920 г. ученый совет Одесской медицинской академии (так назывался в то время на Украине медицинский институт) рассмотрел предложение Д. К. Заболотного и рекомендацию Наркомпроса и постановил: «Открыть немедленно курс по эпидемиологии (обязательный) и просить Д. К. Заболотного взять на себя труд чтения лекций по этому курсу». Осенью 1920 г. была создана первая самостоятельная кафедра эпидемиологии. Штаты кафедры состояли из заведующего (Д. К. Заболотный) и двух ассистентов (Л. В. Громашевский и М. Н. Соловьев), избранных на эти должности в ноябре 1920 г. и ставших потом гордостью советской медицинской науки. Специальным решением Губвуза Одессы для размещения кафедры эпидемиологии было передано здание бывших Высших женских медицинских курсов.

В первый 1920/21 учебный год лекции и практические занятия по эпидемиологии проводились на V выпускном курсе. Судя по сохранившимся сведениям, на лекциях и занятиях освещались главным образом вопросы бактериологии, иммунитета и организации противоэпидемических мероприятий. Но уже в следующем 1921/22 учебном году программа курса эпидемиологии была четко определена и разделена на две большие части: общую эпидемиологию и частную. В первой рассматривались общие вопросы, предмет эпидемиологии, источник инфекции и пути передачи, роль окружающей среды в распространении инфекции, законы развития эпидемий и меры борьбы

с ними; во второй — эпидемиология отдельных инфекций.

Программа была рассчитана на преподавание эпидемиологии на III, IV и V курсах института и предполагала проведение лекций, семинарских занятий и экскурсий в противоэпидемические учреждения.

Создание первой кафедры эпидемиологии проходило в условиях сильного противодействия части профессоров, не считавших эпидемиологию самостоятельным предметом преподавания и не видевших смысла в выделении ее в отдельный курс. Как вспоминает М. Н. Соловьев, только яркие выступления Д. К. Заболотного на ученых советах и его огромный научный авторитет спасли положение. Однако в мае 1922 г. в связи с необходимостью сокращения расходов института была сделана попытка упразднить кафедру эпидемиологии и читать этот предмет в курсе гигиены, но уже в июне того же года кафедра была восстановлена.

О трудностях борьбы за создание отдельных кафедр эпидемиологии и, следовательно, выделения эпидемиологии в самостоятельный предмет преподавания свидетельствует тот факт, что, несмотря на неоднократное обсуждение этого вопроса (вопрос о создании самостоятельных кафедр эпидемиологии в медицинских вузах обсуждали в 1921 г. на V и в 1924 г. на VIII Всероссийских съездах бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей и в 1928 г. на 2-м совещании представителей профилактических кафедр), до 1932 г. в стране было всего три самостоятельных кафедры эпидемиологии: в Одессе, Днепропетровске (создана в 1928 г.) и Харькове (создана в 1930 г.). Все они были связаны с именем Д. К. Заболотного и его учеников — Л. В. Громашевского и М. Н. Соловьева. Этим кафедрам все время угрожало закрытие. В связи с этим представляет интерес обращение Л. В. Громашевского в журнал «Профилактическая медицина» в 1928 г., где он писал, что «наиболее удачным и пока, к сожалению, единственным осуществленным опытом создания прочной кафедры эпидемиологии является Одесский медицинский институт». Полемизируя с противниками создания самостоятельных кафедр эпидемиологии, он утверждал: «Советская страна в плане своей культурной революции должна включить эту маленькую „роскошь“, этот небольшой расход готовить врачей, знакомых с современными методами борьбы с заразными

заболеваниями. Этот расход не бесцельный накладной расход, а вполне рентабельное капиталовложение в дело строительства социалистической культуры в республике рабочих и крестьян».

В чем же заключался секрет редкой жизнеспособности кафедры, созданной Д. К. Заболотным? Прежде всего в том, что с момента создания эта кафедра была не только учебным центром, но и центром интенсивных научных исследований. Еще Н. И. Пирогов писал: «Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное без учебного все-таки светит и греет. А учебное без научного, как бы ни была... приманчива его внешность — только блесит». И вся история кафедры эпидемиологии Одесского медицинского института подтверждает справедливость этого положения.

Несмотря на большие материальные трудности, с первых же дней существования кафедры эпидемиологии на ней начали проводить плодотворную научно-исследовательскую работу. По ходатайству Д. К. Заболотного, для расширения научно-исследовательской работы в области эпидемиологии и бактериологии в Одесской медицинской академии была создана специальная научно-исследовательская кафедра профилактических дисциплин, состоявшая из двух секций: эпидемиологии и бактериологии. Деятельность научно-исследовательской кафедры была тесно связана с работой кафедры эпидемиологии, так как обе они возглавлялись одним и тем же лицом — Д. К. Заболотным при активном участии Л. В. Громашевского и М. Н. Соловьева.

За период с 1920 по 1925 г. сотрудники кафедры эпидемиологии и научно-исследовательской кафедры выполнили 38 научных работ, посвященных эпидемиологии паразитарных тифов, кишечных инфекций, малярии и других инфекций. В 1920—1922 гг. под редакцией Д. К. Заболотного вышли сборники, посвященные сыпному тифу, и два сборника научных работ Одесской дезинфекционной станции под редакцией Л. В. Громашевского. Всего же за 60 лет существования (с 1920 по 1980 г.) с кафедры эпидемиологии вышло 280 работ, в том числе 15 монографий. За это же время здесь было выполнено 27 кандидатских и докторских диссертаций.

Кафедрой были разработаны первые программы и учебные планы, долгое время служившие основой для преподавания эпидемиологии во всех медицинских вузах

нашей страны. Первые руководители и сотрудники этой кафедры — Д. К. Заболотный, Л. В. Громашевский, М. Н. Соловьев, В. М. Башенин были и авторами первых в нашей стране учебников эпидемиологии, по которым учились несколько поколений советских врачей.

Деятельность кафедры эпидемиологии, созданной Д. К. Заболотным в Одессе, сыграла исключительную роль в развитии советской эпидемиологии. Ее создание знаменовало собой окончательное выделение отечественной эпидемиологии в особую область медицинских знаний и положило начало преподаванию эпидемиологии в виде самостоятельного курса.

Чтобы достаточно полно оценить значение для развития нашей науки создания этой кафедры, нужно вспомнить, что подавляющая часть медицинских работников в то время еще не признавала эпидемиологию не только самостоятельным предметом преподавания, но и самостоятельной дисциплиной. Вопросы эпидемиологии обычно излагались в учебниках гигиены или микробиологии. В изданном в 1900 г. на русском языке руководстве А. Вексельбаумана эпидемиология рассматривалась как продолжение микробиологии, изучающей условия, при которых возникают и распространяются эндемические и эпидемические болезни. В руководстве В. Доптера и А. Лаверна (1925) эпидемиология определялась как наука, которая изучает не только собственно эпидемические болезни, но экстенсивные проявления инфекционных болезней. В широкоизвестном и переведенном в 1917 г. на русский язык учебнике П. Мюллера «Общая эпидемиология» можно прочесть, что эпидемиологию обычно отождествляют с учением о заразных болезнях. В то же время автор оговаривается, что эпидемиология изучает заразные болезни не с точки зрения патологии, которая имеет дело только с отдельными организмами, а рассматривает их как массовые явления, но в заключение, как бы зачеркивая сказанное выше, утверждает, что эпидемиология «представляет главу о патологии населения».

Насколько долго держалась в головах врачей и научных работников мысль о несамостоятельности эпидемиологии, о ее якобы зависимом положении от микробиологии или клиники инфекционных болезней, свидетельствует определение эпидемиологии, сделанное уже в 30-х годах в руководстве К. Сталлибрасса «Основы эпи-

демиологии», переведенном с английского языка и изданном в нашей стране в 1936 г. «Эпидемиология, — пишет К. Сталлибрасс, — наука об инфекционных болезнях, их первоисточниках, распространении и предупреждении». Этому определению противостоит определение, сделанное Д. К. Заболотным. «Эпидемиология, или наука об эпидемиях, — писал он, — занимается изучением причин возникновения и развития эпидемий, выясняет условия, благоприятствующие их распространению, и намечает способы борьбы с ними, основанные на данных науки и практики». Под словом «эпидемии» автор понимает «массовые заболевания людей». Это определение было дано Даниилом Кирилловичем в его руководстве «Основы эпидемиологии», которое было первым отечественным учебником эпидемиологии. Он вышел в 1927 г. Однако, как это подчеркивается в тексте, книга была задумана давно и многие мысли, высказанные в ней, были сформулированы в первых программах курса эпидемиологии, который ученый читал в Одесском медицинском институте.

Еще более четко мысль о самостоятельности объекта изучения, подлежащего эпидемиологическому исследованию, и специфичности путей его познания была оформлена в трудах учеников и преемников Д. К. Заболотного — Л. В. Громашевского и М. Н. Соловьева. Таким образом, создание самостоятельной кафедры эпидемиологии в Одессе было не просто формальным обособлением какой-то части курса гигиены или инфекционных болезней, а самоутверждением новой медицинской дисциплины. Создатель кафедры Д. К. Заболотный, его сотрудники и ученики отчетливо понимали право этой дисциплины на выделение ее в самостоятельный предмет преподавания. И в этом, бесспорно, большой научный подвиг Д. К. Заболотного, смело порвавшего с установившейся уже традицией рассматривать эпидемиологию как раздел какой-либо другой медицинской дисциплины и впервые указавшего на ее обособленность как предмета изучения и преподавания.

Особо нужно подчеркнуть, что кафедра эпидемиологии, созданная в Одесском медицинском институте, явилась не только первым опытом преподавания эпидемиологии как самостоятельной дисциплины, но и центром создания вполне оригинальной и первой в нашей стране советской научно-эпидемиологической школы со своим

кругом идей, определенными концепциями и ярко выраженной практической направленностью. Идеи, заложенные при создании этой школы, наложили глубокий отпечаток на развитие всей советской эпидемиологии, и без изучения ее истории по существу невозможно представить пути развития эпидемиологической науки в Советском Союзе.

По приезду Д. К. Заболотного в Одессу вокруг него стали группироваться молодые врачи, активно участвовавшие в борьбе с эпидемиями. Первыми из них были ассистенты кафедры эпидемиологии Л. В. Громашевский и М. Н. Соловьев, ставшие затем яркими представителями его научной школы. Формирование их научного мировоззрения происходило под непосредственным влиянием Д. К. Заболотного, уже сложившегося к тому времени крупного ученого-микробиолога и эпидемиолога.

Разработка проблем эпидемиологии начала базироваться на принципах диалектического и исторического материализма, что особенно ярко проявилось в дальнейшем в работах Л. В. Громашевского и М. Н. Соловьева. В связи с этим интересна оценка деятельности кафедры эпидемиологии, которую дают воспитанники Одесского медицинского института 20-х годов. Они писали в редакцию журнала «Профилактическая медицина»: «Если курс исторического материализма... дал нам теоретическое обоснование материализма, то курс эпидемиологии показал и научил нас, как практически претворять материалистические основы в медицине».

Красной нитью в трудах научной эпидемиологической школы Д. К. Заболотного проходит идея об исключительной роли социальных факторов в развитии эпидемиологического процесса, что было новым шагом в развитии теории медицинской науки и тесно связано с принципиальными положениями основоположников советского здравоохранения.

В 1927 г. Д. К. Заболотный писал: «Эпидемии оставляют настолько глубокий след в организме общества, что вполне справедливо могут быть рассматриваемы как социальные явления...». И далее: «Распространение инфекционного начала в массах тесно связано с социальными условиями, являющимися одним из важнейших

---

¹ Заболотный Д. К. Избранные труды. — Киев: АН УССР, 1957, т. 2, с. 211, 227.

эпидемиологических факторов»¹. В 1936 г. М. Н. Соловьев в первом учебнике эпидемиологии на украинском языке указывал: «Не особенности той или другой расы и не климатические факторы являются причиной эпидемий в колониальных странах, а низкий уровень санитарной культуры эксплуатируемого, полуголодного, доведенного до рабского положения населения в результате непомерной эксплуатации... капиталистическими „цивилизаторами“»¹.

Конечную цель исследований в области эпидемиологии Д. К. Заболотный видел в полной ликвидации инфекционных болезней человека. В дальнейшем эта идея была широко развита и теоретически обоснована в трудах Л. В. Громашевского, М. Н. Соловьева и их многочисленных учеников.

Одной из важнейших особенностей эпидемиологической школы Д. К. Заболотного является также последовательно развиваемая мысль о тесной связи теоретических исследований с практикой противоэпидемических мероприятий. Это получило свое выражение в непосредственном участии как самого Д. К. Заболотного, так и представителей его школы в борьбе с эпидемиями.

К одесскому периоду относится и первый опыт Даниила Кирилловича в области административной деятельности. В январе 1921 г. он был назначен ректором Одесской медицинской академии, однако очень скоро он почувствовал свою полную непригодность к административной работе и еще до конца учебного года сдал обязанности ректора профессору Н. Н. Костямину. В то же время он довольно активно участвовал в обсуждении вопросов по перестройке медицинского образования. Как пишет академик Н. Д. Стражеско, бывший в 1919—1922 гг. профессором Одесской медицинской академии, «Даниил Кириллович принимал близкое участие также в работе специально созданной с совещательными функциями при заведующем Наробразом комиссии... Эта комиссия занималась вопросами реконструкции преподавания на медицинском факультете, вырабатывала новую программу преподавания... Даниил Кириллович весьма горячо и охотно занимался этими вопросами, вносил много ценных предложений, базирующихся на его опыте, особенно в отношении организации кафедры

¹ Соловьев М. Н. Эпидемиология. — Киев: Держвидав, 1936, с. 38.

эпидемиологии и бактериологии, основательное знакомство с которыми он считал обязательным для каждого врача»¹.

Вся деятельность Д. К. Заболотного в Одессе протекала в очень тяжелой для страны материальной обстановке. Врач-коммунист В. Л. Елин в своих воспоминаниях писал: «Одесса была занята 7 февраля 1920 г.... Советская власть получила огромный город, центр белогвардейщины, приток офицерства, бежавшего сюда со всей Украины, к тому же охваченной огромной эпидемией сыпного и других тифов». Заболеваемость сыпным тифом в Одессе в 1919—1920 гг. достигла небывалых размеров: в 1919 г. — 469,9 и в 1920 г. — 442,5 на 10 000 населения. В 1920 г. здесь было зарегистрировано 18 654 и в 1921 г. — 4513 случаев сыпного тифа. За это же время было учтено 27 500 случаев возвратного тифа. Заболевания сыпным тифом сопровождались огромной летальностью, составлявшей 16,1%. Не прекращались также эпидемии холеры. Летом 1919 г. в Одессе заболело 4279 и умерло 1893 человека. Холерные эпидемии имели место также в 1920 и 1921 гг. Эпидемии развивались на фоне голода и разрухи. В ноябре 1920 г., как пишет В. Л. Елин, «кризис достиг самых больших размеров, прекратилась деятельность водопровода из-за недостатка топлива, закрылись пекарни из-за недостатка топлива и муки: хлеб и обед не выдавался рабочим самых ударных предприятий. Цена фунта хлеба дошла до 1000 р., ведра воды — до 400 р. Только в конце ноября продовольственный и топливный кризис несколько ослаб и с новой силой разразился в декабре 1920 г.»

В 1921 г. Одещину поразил неурожай, который осложнил и без того тяжелое положение с продовольствием. Голодали, вспоминает В. Л. Елин, сотни тысяч людей, но «наиболее тяжелое время наступило в январе 1922 г. Усиление голода вызвало рост дороговизны, а вместе с тем усилилась и безработица... О размерах голода можно судить по тому, что в Тираспольском уезде до 40% населения питались отбросами». Снова начала расти заболеваемость сыпным тифом, достигшая в 1922 г. 381,2 на 10 000 населения, а летом разразилась огромная эпидемия холеры. С апреля по 30 сентября 1922 г. в Одессе заболело холерой 9935 человек.

---

¹ *Стражеско Н. Д.* — *Врачебное дело*, 1950, № 1, стб. 10.

В Одессе Д. К. Заболотный немедленно включился в борьбу с эпидемиями паразитарных тифов и холеры. Он участвовал в комиссии по борьбе с сыпным тифом, выступал с лекциями и докладами, организовал один из первых в нашей стране городской дом санитарного просвещения, возглавлял планомерное изучение заболеваний сыпным тифом и холерой. Не случайно первые научные работы, вышедшие с кафедры эпидемиологии, были посвящены эпидемиологии этих инфекций. Несмотря на обострение старых болезней — эндокардита, ревматизма и спондилита, Даниил Кириллович не прекращал работы, постоянно рискуя заразиться сыпным тифом. Он исследовал кровь больных сыпным тифом и делал попытку применить для вакцинации против этой болезни прогретую кровь больных. С каким риском были связаны эти исследования, говорит хотя бы тот факт, что из 1697 одесских врачей в 1920 г. заболели сыпным тифом 488 и умерли 89 человек. В 1920 г. Д. К. Заболотный заразился и перенес сыпной тиф. Заболевание протекало настолько тяжело, что разнесся слух о его смерти. Н. Д. Стражеско писал, что мало кому при жизни приходилось читать некрологи о себе, а Даниил Кириллович читал их дважды: в первый раз в феврале 1919 г., когда говорили о его убийстве и была помещена статья в журнале «Общественный врач», и во второй раз в 1920 г., во время тяжелой болезни в Одессе.

В протоколах заседания ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР от 13 мая 1921 г. сохранилась интересная запись: «...председатель Совета Л. А. Тарасевич, сообщив, что в настоящем заседании присутствует бывший член Совета Д. К. Заболотный, о смерти которого в прошлом году Совет с величайшей скорбью заслушал сообщение НКЗ, казавшееся достоверным, выразил истинное удовольствие видеть Д. К. в Совете, при этом полным сил и энергии, и предложил приветствовать его, пожелать ему продолжительной и плодотворной научной и научно-практической работы. Члены Совета единодушно приветствовали Д. К. Заболотного».

В мае 1923 г. Даниил Кириллович был в командировке в Париже, где участвовал в торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения Л. Пастера. По возвращении из-за границы он приехал в Одессу, чтобы сдать кафедру Л. В. Громашевскому, и окончательно уехал в Петроград.

Возвращение в Петроград.

Создание кафедры микробиологии и эпидемиологии
в Военно-медицинской академии (1923—1928)

В сентябре 1923 г. Даниил Кириллович Заболотный возвратился в Петроград — город, с которым у него было связано почти три десятилетия научно-педагогической и общественной деятельности. На сохранившемся у К. М. Гродского шуточном рисунке одного из друзей Д. К. Заболотного изображено его возвращение в Петроград. На фоне скрытых в тумане домов сутулая фигура Даниила Кирилловича в старой солдатской шинели, папахе, сапогах, с небольшим баулом в руках и надпись:

«Невольню к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила...»

Дружеский шарж. «Д. К. Заболотный возвращается в Петроград». 1922 г.

Сразу после возвращения Д. К. Заболотный окунулся в повседневную работу и связанные с ней многообразные научные обязанности. Он заведовал кафедрой бактериологии в Медицинском институте и отделом эпидемиологии в Институте экспериментальной медицины. Он возобновил свои исследования по чуме и в марте 1924 г. выехал в Саратов на очередное, четвертое противочумное совещание. Здесь обсуждались результаты изучения роли диких грызунов в эпидемиологии чумы на юго-востоке европейской России и, в частности, была отмечена связь вспышек чумы с эпизоотиями среди мышей. Подробно обсуждался вопрос об истреблении грызунов с целью оздоровления очагов чумы. Он был поднят еще на противочумном совещании в Саратове в 1914 г. Но на этот раз был предложен конкретный план истребления грызунов на больших площадях. Даниил Кириллович принял самое активное участие в работе совещания и выработке решения.

В Саратове Даниил Кириллович встретился с многими из своих соратников по изучению чумы. На совещании присутствовало не более 50 человек, и большинство из них уже много лет занимались организацией противочумных мероприятий на юго-востоке России и хорошо знали друг друга. Об атмосфере, царившей на этом совещании, и настроении Д. К. Заболотного свидетельствуют два четверостишья, оставленные им в записной книжке Н. Н. Клодницкого.

«От лазурных небосклонов
Стеньки Разина страны
Шлем Вам серию поклонов,
Чумной вспышкой собраны.
Ах! Когда б Вы посмотрели
Наше дружное житье,
Веют весело метели
Прочь несносное нытье!»¹

По всей видимости, к этому времени Даниил Кириллович уже в какой-то мере успокоился от перенесенных им потрясений. Он много работал, участвовал в работе научных конференций и совещаний, публиковал научные работы, часто выступал с научно-популярными статьями.

В письме от 8 июня 1924 г. К. М. Гродскому он пи-

---

¹ Клодницкая С. Н. Н. Н. Клодницкий. — М.: Медгиз, 1956, с. 40.

сал: «Замотался так, что вздохнуть было некогда. Сейчас заканчиваю свой год и собираюсь дней на 10 в Чеботарку. Хвостов много еще осталось и не знаю, когда и как я их подтяну. Отпуск буду иметь до 1 сентября. Думал съездить весной хоть на несколько дней домой, но не вышло, и сады отцвели без меня. Был в Москве на съезде микробиологов и эпидемиологов со всеми здешними своими птенцами, удачные выступления которых меня очень радуют. Пришлось и самому принимать участие. Летом ко мне собираются заехать В. Л. Омелянский и Л. А. Тарасевич — будет целая Чеботарская Академия...».

В 1924 г. Д. К. Заболотный был назначен начальником кафедры бактериологии и эпидемиологии Военно-медицинской академии. В приказе начальника Главного санитарного управления РККА З. П. Соловьева от 9 апреля 1924 г. о назначении Д. К. Заболотного на эту должность сказано: «Ознакомившись с кандидатурами, выставленными на замещение этой кафедры, я нахожу в лице профессора Женского медицинского института Д. К. Заболотного лицо, в достаточной мере вполне отвечающее требованиям, предъявляемым к руководителю кафедры микробиологии и эпидемиологии ВМА и имеющее значительные преимущества перед другими кандидатурами как по опыту своей педагогической работы (основатель первой в России кафедры бактериологии, заведующий ею 25 лет), так и по своей научной деятельности, выразившейся преимущественно в разработке вопросов эпидемиологии и микробиологии и их применении в борьбе с эпидемиями и в организации самой борьбы, что имеет особое значение для подготовки военных врачей».

12 мая 1924 г. Д. К. Заболотный приступил к обязанностям руководителя кафедры микробиологии и эпидемиологии с учением о дезинфекции Военно-медицинской академии; она возникла на базе созданной в 1896 г. кафедры заразных болезней с бактериологией. Первым ее руководителем был С. С. Боткин, а затем с 1898 г. ею заведовал выдающийся отечественный инфекционист-бактериолог Николай Яковлевич Чистович (1860—1926). Здесь начинали свою научную работу известные советские инфекционисты Н. К. Розенберг, М. Д. Тушинский, микробиолог С. И. Златогоров. В 1923 г. она была разделена на две кафедры: инфекционных болезней и ка-

федру микробиологии и эпидемиологии. Даниил Кириллович был ее первым заведующим, заложившим основы эпидемиологического образования военных врачей в нашей стране.

Преподавание бактериологии и эпидемиологии в Военно-медицинской академии мыслилось Д. К. Заболотным на широкой общебиологической основе, исходя из насущных потребностей борьбы с эпидемическими болезнями и организации противоэпидемической службы Красной Армии. В своей докладной записке Д. К. Заболотный отмечал, что «микробиология должна служить естественноисторической базой при изучении профилактических наук как общеобразовательный биологический предмет», в связи с этим программа преподавания бактериологии была значительно расширена и приближена к требованиям практической противоэпидемической работы.

Большое внимание уделялось преподаванию эпидемиологии, занятия по которой часто вел сам Даниил Кириллович. Говоря о преподавании эпидемиологии в Военно-медицинской академии, Д. К. Заболотный писал, что врач не должен быть пассивным зрителем развивающейся эпидемии. Он должен быть подготовлен к пониманию и изучению причин возникновения и развития эпидемий, условий, благоприятствующих их распространению. Он должен уметь применять современные методы борьбы с эпидемиями. Для этого учащиеся при прохождении курса эпидемиологии должны научиться методам эпидемиологического обследования на практике в очагах болезни. В программе значились также инфекции, которые развиваются эпидемически, имеют социальное значение и прямое отношение к оздоровлению и быту Красной Армии.

Занятиям по эпидемиологии предшествовало освоение методов бактериологического обследования лиц, больных инфекционными болезнями, затем эпидемических очагов для оценки условий жизни и быта заболевших. После этого проводился обстоятельный разбор результатов обследования и решался вопрос о проведении соответствующих профилактических и противоэпидемических мероприятий. Здесь же знакомились с методами специфической профилактики, дезинфекции и дезинсекции. Насколько серьезно разрабатывались эти вопросы, свидетельствует тот факт, что впоследствии курс дезинфек-

ции был превращен в Военно-медицинской академии в самостоятельную кафедру под руководством профессора Я. Л. Окуневского.

Д. К. Заболотный любил проводить со студентами разбор отдельных эпидемий и случаев из своей богатой эпидемиологической практики. На кафедре проводились также занятия с военными врачами, командированными в академию для усовершенствования знаний. Даниил Кириллович делился с ними своим огромным практическим опытом, и часто эти занятия принимали характер непринужденных бесед и затягивались до вечера. В ходе этих бесед обсуждались не только вопросы практической работы, но и результаты последних научных исследований, и участники этих бесед незаметно вовлекались в проведение научной работы. Так возникли замыслы работ А. И. Колодизера «Бациллоносительство и борьба с ним», А. А. Краснова «Об особенностях холерного вибриона» и ряд других.

Одной из характерных особенностей советского здравоохранения является его профилактическая направленность. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г., было записано: «В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья РКП полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих цель предупреждение развития заболеваний»¹.

Однако в первые годы после установления Советской власти, когда перед советской медициной стояли задачи прежде всего строительства советского здравоохранения, медицинского обеспечения Красной Армии и борьбы с эпидемиями, проведение широких профилактических мероприятий оставалось на втором плане.

В 1923 г. Н. А. Семашко в статье «Очередные задачи в области охраны здоровья населения» по этому поводу писал: «Но прежде мы лишены были возможности приступить к этим задачам с той организованностью, планомерностью, спокойствием, продуманностью, с каким мы это делаем теперь. Пожарная работа на военном и эпидемическом фронтах оторвала нас от этой задачи»².

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, 1954, с. 429.

² Семашко Н. А. Очередные задачи в области охраны здоровья населения. — Известия НКЗ, 1923, № 1.

Эту же мысль неоднократно подчеркивал в своих выступлениях З. П. Соловьев. Он указывал, что профилактическая направленность советского здравоохранения была заложена в нем с момента его создания, но первые годы ввиду исключительно тяжелых условий «профилактическое начало» проводилось «в ударном порядке только по отношению к наиболее расшатывающим здоровье рабочих и крестьян болезням»¹.

Начиная с 1923—1924 гг. профилактическое направление стало основным в развитии советского здравоохранения. Оно распространилось и на деятельность лечебных учреждений и высшей медицинской школы.

Д. К. Заболотный, всегда чутко относившийся к требованиям времени, предложил создать в Военно-медицинской академии институт профилактических наук, куда вошли бы кафедры микробиологии и эпидемиологии, гигиены и социальной гигиены. Эта мысль была поддержана Главным военно-санитарным управлением, и для создания института было выделено отдельное здание на Боткинской улице, дом № 9 (ныне № 23). Проект института был одобрен конференцией академии. 21 ноября 1925 г. новое учреждение было открыто и получило название: Институт профилактических наук им. З. П. Соловьева. На открытии института Д. К. Заболотный с гордостью говорил: «Мы счастливы, что в нынешний день доктрины, имеющие касательства к профилактике, в том числе и микробиологии, признаются имеющими большое социальное значение...». Устройство Института профилактических наук потребовало от Даниила Кирилловича значительных усилий. В письме К. М. Гродскому от 4 января 1925 г. он писал: «...это время был сильно перегружен работой и далеко еще не выполнил всего. Особенно меня удручает медленный ход писания своей книги. До сих пор с грехом пополам справляюсь со своими заданиями, но можно было бы работать успешнее. Особенно много у меня было дел по устройству новой кафедры в Академии. Но к весне будем иметь шикарный институт профилактической медицины. Занятия со студентами прошли очень успешно, провели через лабораторию в Академию около 700 человек. Весной начнут работать практические врачи...».

---

¹ Соловьев З. П. Строительство советского здравоохранения. М., 1932, с. 81.

Несмотря на большую педагогическую нагрузку и постоянную занятость решением различных организационных вопросов, Даниил Кириллович постоянно участвовал в научно-исследовательской работе. В эти же годы им было опубликовано несколько крупных научных трудов, посвященных прежде всего эпидемиологии чумы («Задачи чумных обследований», 1925; «Причины эндемичности чумы на юго-востоке СССР», 1926; «Новые проблемы в изучении чумы», 1928) и результатам изучения механизма кишечного иммунитета (1924, 1925), а также ряд статей, посвященных памяти выдающихся современников-ученых: И. И. Мечникову, А. О. Ковалевскому, В. Л. Омелянскому и др.

Даниил Кириллович активно участвовал в научной жизни страны, регулярно выступая на конференциях и съездах. В этом отношении особенно показательна его роль в организации и проведении всероссийских (всесоюзных) съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, оказавших огромное влияние на развитие эпидемиологии и микробиологии в нашей стране. Начиная с 1922 г. Д. К. Заболотный становится постоянным членом оргкомитетов этих съездов. Он часто был в роли председателя и сопредседателя на секционных и пленарных заседаниях. Он выступал с докладами на VI (1922), VIII (1924), IX (1925), X (1926) и XI (1928) съездах бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. Его доклады на VI и VIII съездах посвящены вопросам борьбы с чумой. В программном докладе «Задачи чумных обследований», представленном на VIII съезде, он отметил, что «причина эндемичности чумы в Маньчжурии и на юго-востоке России уже выяснена с достаточной научной документальностью. Эпизоотии на тарбаганах в Маньчжурии, на сусликах и мышах в киргизских степях, Уральской и Донской областях являются тем источником хранения чумного вируса, откуда возникают эпидемии на людях». В то же время остался еще не выясненным целый ряд вопросов эпидемиологии чумы: значение блох и других паразитов грызунов в передаче инфекции от одного вида грызунов другому и от диких грызунов к человеку; способ заражения чумой верблюдов в естественных условиях; происхождение амбулаторных форм чумы; требовали также дальнейшей разработки вопросы иммунитета, вакцинации и серотерапии чумы. Д. К. Заболотный подчеркнул так-

же, что для правильной постановки борьбы с чумой необходимо расширение исследовательской лабораторной работы в очагах чумы.

На IX съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в 1925 г. Даниил Кириллович выступил с докладом «Угасание эпидемий». Он указал, что в последние десятилетия перед микробиологами встали новые важные задачи — использовать микробиологические методы для изучения эпидемий. Он подчеркнул необходимость изучать процессы угасания эпидемий с целью отыскания способов их искусственного прекращения и тем самым впервые в отечественной эпидемиологии указал на проблему ликвидации болезней. Программный характер носил также доклад «Эпидемическая микрофлора», с которым Д. К. Заболотный выступил на пленарном заседании X съезда в Одессе. По окончании съезда Д. К. Заболотный заболел и с 20 сентября 1926 г. по апрель 1927 г. находился на лечении в Одессе по поводу обострения хронического суставного ревматизма и только 28 апреля 1927 г. вернулся в Ленинград и приступил к работе.

В 1925 и 1927 гг. Даниил Кириллович принимал участие в работе 5-го краевого противочумного, а затем 1-го всесоюзного совещания по борьбе с чумой в Саратове. Эти совещания явились важными вехами в создании учения о чуме и на много лет определили направление исследований в области борьбы с этой болезнью. Выступая на этих совещаниях, Д. К. Заболотный как бы подвел итоги своих почти 30-летних исследований по эпидемиологии чумы и указал пути дальнейшего изучения этой болезни. В настоящее время, говорил в 1927 г. Д. К. Заболотный, «...стройное здание учения о чуме высится на прочных устоях, но нуждается в дальнейшей отделке, освещении и дальнейшем приспособлении для жизненных целей профилактики».

Очень большую работу проделал Д. К. Заболотный как председатель Ленинградского отделения оргкомитетов VIII и XI съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, проходивших в Ленинграде. Он открывал XI съезд. В своем выступлении он отметил растущее значение научных исследований и роль международного сотрудничества ученых.

Д. К. Заболотный живо интересовался вопросами преподавания эпидемиологии. Он горячо поддерживал

*Сорокину, Михаилу
Константиновичу Кадомскому*
РУКОВОДСТВА И ПОСОБИЯ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

*22/11 27
Всесо.*

Академик Д. К. ЗАБОЛОТНЫЙ

Ч. В. Громышев

ОСНОВЫ ЭПИДЕМИОЛОГИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Москва Государственный университет
Гигиены и санитарии. Биологический факультет
Учебно-методический кабинет
Дир. кафедры эпидемиологии и санитарии

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГИГИЕНЫ И САНИТАРИИ
МОСКВА 1927

Титульный лист книги Д. К. Заболотного «Основы эпидемиологии» с дарственной надписью автора. М. — Л., 1927.

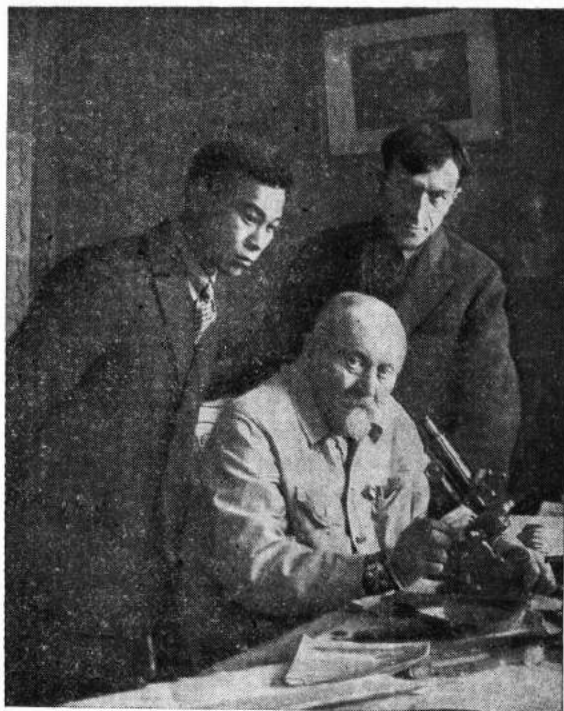
Л. В. Громашевского на VIII съезде бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, когда тот указал на ведущее место эпидемиологии в профилактическом направлении советского здравоохранения. Благодаря их совместным усилиям в резолюции съезда было записано: «Съезд считает необходимым выделение в медицинской

школе трех самостоятельных кафедр: по микробиологии, по эпидемиологии, по заразным болезням с клиникой».

В 1927 г. выходят в свет «Основы эпидемиологии» Д. К. Заболотного. Это был первый учебник эпидемиологии, написанный на русском языке. Выход в свет этого учебника знаменовал собой новый этап в развитии эпидемиологических знаний в нашей стране и явился отправной точкой для создания ряда учебных руководств и пособий по эпидемиологии, изданных в СССР. Даниил Кириллович приступил к работе над этой книгой в 1924 г. и писал ее главным образом на материалах, собранных им еще во время пребывания в Одессе. В то же время, судя по многочисленным ссылкам на литературные источники, он использовал также много свежих данных, относящихся уже к периоду 1923—1925 гг.

В этой книге Д. К. Заболотный убедительно показывает значение окружающей среды и роли социальных условий в возникновении и развитии эпидемий. В ней разбираются также эпидемиологические особенности кишечных инфекций (холера, брюшной тиф, дизентерия), легочных инфекций (туберкулез, острая пневмония), кровяных инфекций (малярия, сыпной и возвратный тифы), венерических болезней, зоонозов (сибирская язва, бешенство, сепсис), раневых инфекций (столбняк, газовая гангрена) и инфекций слизистых оболочек и кожи, куда автор относит дифтерию, цереброспинальный менингит, оспу и чуму.

Нужно сказать, что классификация инфекционных болезней, которой придерживался Д. К. Заболотный, сильно отличается от той, которая принята у нас сейчас. Так, например, чуму относят сейчас к кровяным инфекциям, а дифтерию и натуральную оспу к инфекциям дыхательных путей («легочным инфекциям», по Д. К. Заболотному), и в некоторых учебниках вообще не выделяется группа зоонозов. Но можно ли ставить это в вину Д. К. Заболотному? Очевидно, нет. Проблемы, связанные с классификацией инфекционных болезней человека, далеко еще не решены, и нет ничего удивительного, что классификация, предложенная в 1927 г., отличается от современных. Важно подчеркнуть другое, а именно то, что в схеме Д. К. Заболотного обнаруживаются принципы, из которых исходили все последующие авторы советских учебников эпидемиологии. И, бесспорно, книга Д. К. Заболотного оказала на них большое влияние.

Д. К. Заболотный с Ян Гуй Заболотным и племянником Ф. М. Заболотным. Ленинград, 1927 г.

«Основы эпидемиологии» были лебединой песней Даниила Кирилловича Заболотного в области эпидемиологии. В 1928 г. он переехал в Киев и целиком ушел в занятие микробиологией и выполнение многочисленных административных обязанностей.

**Президент Всеукраинской академии наук.
Киев 1928 г.**

В 1926 г. Д. К. Заболотный был избран действительным членом Академии наук СССР, а в 1928 г. — президентом Всеукраинской академии наук (в 1935 г. переименована в Академию наук Украинской ССР) и переехал в Киев.

В 1925 г. закончился период восстановления народного хозяйства, разрушенного гражданской войной и воен-

ной интервенцией, и начались годы борьбы за социалистическую индустриализацию страны. Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) поставил задачу превращения нашей страны в мощную индустриальную державу, экономически независимую от капиталистических стран. На IX съезде КП(б) Украины в 1925 г. было отмечено, что народное хозяйство республики восстановлено. Тяжелая промышленность давала около 85% продукции, а сельское хозяйство — 91% сбора зерна от уровня 1913 г. На основе достигнутых успехов в республике разворачивается социалистическая индустриализация и перестраивается весь строй жизни. С конца 1929 г. начинается массовое колхозное движение. Быстрые темпы развития промышленности, а затем начавшееся колхозное движение потребовали перестройки всей системы просвещения, здравоохранения и науки, реорганизации Академии наук — главного штаба научной мысли республики.

Однако оказалось, что Всеукраинская академия наук еще не отвечала возросшим требованиям. Научные исследования, проводимые в учреждениях академии, не отвечали практическим запросам социалистического строительства, а среди некоторой части научных работников еще были живы мелкобуржуазные националистические настроения. Для перестройки работы академии нужно было найти ученого, обладающего не только всесторонними знаниями и эрудицией, но и большими организаторскими способностями и твердо стоящего на позициях Советской власти. И такой ученый был найден в лице Д. К. Заболотного.

Даниил Кириллович долго колебался, прежде чем решиться на переезд в Киев. В Ленинграде он прожил три десятилетия и хорошо знал и любил этот город. Здесь у него было много друзей и учеников, хорошо оборудованная лаборатория со штатом преданных сотрудников и помощников. Он любил преподавательскую работу и много сделал для создания кафедры микробиологии и эпидемиологии Военно-медицинской академии. И все это нужно было оставить и переехать на новое место для того, чтобы там создавать все заново. Он писал К. М. Гродскому: «Зовут на Украину. Жалко покидать старые места, но надеюсь на новые горизонты. Не придется бегать по нескольким местам...».

Однако Д. К. Заболотный понимал, какое доверие ему оказывают Советское правительство и Коммунисти-

ческая партия и значение той роли, которую он может сыграть на посту президента Всеукраинской академии наук в развитии науки родного края, и он дал согласие на свое избрание.

Н. А. Семашко, рассказывал о выборах Д. К. Заболотного в члены Академии наук СССР, а затем в президенты Всеукраинской академии, писал: «Его credo при выборах во Всесоюзную академию наук было откровенно политическим. Это его заявление вложило в его избирательную урну немало черных шаров из рук реакционных академиков, но зато оно же дало ему поддержку прогрессистов... Заболотный стал академиком... Значительно проще и нормальнее прошли его выборы президентом Всеукраинской академии. Эти выборы проходили также на чисто политической платформе. ...Помимо чисто научной деятельности Заболотный правильно с точки зрения советской установки решил национальный украинский вопрос: он был украинцем, но он никогда не был шовинистом и всегда стоял за дружбу народов СССР. Тот нездоровый шовинистический угар, который отравил мозги некоторых интеллигентов-украинцев и который проник даже через стены Украинской академии, не коснулся Заболотного: он ясно и трезво смотрел на национальный вопрос»¹.

Летом 1928 г. Даниил Кириллович писал К. М. Гродскому: «Собираюсь на Украину с надеждой, что смогу поработать еще для родного края и народа. Обещают мне создать лабораторию в Чеботарке, а пока при Академии в Киеве». И в то же время в дневнике записал: «Одинокое мне будет в Киеве. Воспоминания грустные, молодые годы в университете, вместе с Милочкой терпели горе и работали».

23 апреля 1928 г. Д. К. Заболотный подал заявление директору Института экспериментальной медицины следующего содержания: «Ввиду избрания меня президентом Украинской АН, прошу разрешить мне командировку или отпуск на Украину без сохранения содержания сроком на один год, начиная с 1 октября 1928 г.».

1 октября 1928 г. Д. К. Заболотный был исключен из списка преподавателей Военно-медицинской академии, однако связь с Институтом экспериментальной медицины он не прерывал и только 25 сентября 1929 г. просил

¹ Семашко Н. А. — Гигиена и санитария, 1930, № 3, с. 1—2.

директора института объявить заведование руководимым им отделом свободным, но оставить за ним в отделе комнату, где бы он мог работать во время приезда в Ленинград. В ответ на это заявление 1 октября 1929 г. совет Института экспериментальной медицины, освободив Д. К. Заболотного от заведования отделом, избрал его почетным консультантом института.

По приезде в Киев Даниил Кириллович сразу окунулся в разнообразные административные заботы. И он, ученый-экспериментатор, как казалось ранее, весьма далекий от всяких административных и хозяйственных дел, очень скоро вошел в курс всей весьма многогранной деятельности академии. Врожденный демократизм и опромный жизненный опыт и такт позволили ему быстро завоевать расположение всех сотрудников академии, и они охотно помогали ему. Перед Д. К. Заболотным была поставлена грандиозная задача: по существу реорганизовать всю деятельность Всеукраинской академии наук. И сразу же после вступления в должность президента академии Даниил Кириллович начал большую организационную и общественную работу. Был принят новый устав академии, в котором подчеркивалось, что главным в деятельности академии является тесная связь науки с практикой социалистического строительства. В связи с этим коренным образом изменилось направление научной деятельности. Усилились технические, сельскохозяйственные и биологические отделения академии. Организовался ряд новых научных институтов, в том числе Институт микробиологии, носящий сейчас имя Д. К. Заболотного. В своих выступлениях он подчеркивал, что «развитие науки в стране выражается не только в единичных успехах и завоеваниях, хотя бы и крупных, но в прочной организации научных учреждений, институтов, лабораторий и в общем направлении научно-исследовательской работы».

Были значительно пополнены ряды Всеукраинской академии наук и проведены выборы 33 новых академиков, среди них были избраны такие выдающиеся ученые, как А. А. Богомолец, А. В. Палладин, Е. О. Патон, М. М. Федоров и др. Даниил Кириллович впервые в истории Всеукраинской академии наук организовал публичные отчеты о деятельности академии и ее задачах.

Д. К. Заболотный охотно выступал перед рабочими и молодежью. Сохранились воспоминания о его выступле-

ниях на заводе «Арсенал» в Киеве, где его избрали почетным председателем завкома, в Главных мастерских Юго-Западной железной дороги в Харькове, на съезде комсомола. 2 мая 1929 г. на расширенном заседании академии торжественно было принято решение о шефстве ее над Донбассом. Даниил Кириллович писал шахтерам Донбасса: «Дорогие товарищи! После того, как в Киеве торжественно провозглашено единство науки и труда, осуществилась давно желаемая мечта встречи рабочих и ученых, которая вызвала много мыслей. Желая, чтобы наши связи не прерывались и с каждым годом делались более крепкими и полезными для нашей общей работы и достижений. В ближайшее время в этом же мае мы обсудим на совете Академии, как это лучше всего сделать и выработаем план в согласовании с Вами будущего развития наших отношений». Д. К. Заболотный ездил в Донбасс и выступал перед шахтерами, которые присвоили ему почетное звание шахтера и подарили костюм шахтера. Даниил Кириллович очень гордился этим подарком и однажды надевал эту одежду для встречи с делегацией иностранных ученых, говоря при этом: «За границей ученые одеваются в почетную одежду — костюмы средневековья. Я же встречаю Вас в почетном костюме моей страны — в одежде рабочего».

31 мая 1929 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление о праздновании 10-летия Академии наук УССР. В этом постановлении отмечалось, что академия проводит большую работу в деле развития украинской советской социалистической культуры и, в частности, украинской научной мысли. В нем дается высокая оценка деятельности академии и указывается, что «в великое дело хозяйственного, политического и культурного строительства научные силы УССР во главе с Академией наук также вносят свой вклад и в дальнейшем призваны совершить еще большую работу в целях социалистического переустройства страны»¹. В связи с этим постановлением были ассигнованы крупные средства на укрепление материально-технической базы академии. Для деятельности Д. К. Заболотного в Киеве были созданы исключительно благоприятные

---

¹ Цит. по кн.: Билай В. И. Жизнь, отданная людям. — Киев: Наукова думка, 1966, с. 62.

возможности. Однако большая созидательная работа Даниила Кирилловича была прервана его тяжелой болезнью.

Болезнь и смерть Д. К. Заболотного

В ноябре 1929 г. Даниил Кириллович был в Ленинграде. 14 ноября, в дождливое и туманное утро, друзья проводили его в Киев. По всей видимости, в поезде он простудился и домой приехал уже больным, но превозмогал болезнь и упорно отказывался лечь в постель. Только когда температура поднялась до 39° С, его уговорили приняться за лечение. Больного лечил проф. М. М. Губергриц, поставивший вначале диагноз катаральной формы гриппа, но затем, заметив в мокроте примесь крови, отнесся к заболеванию серьезно и настаивал на обязательном постельном режиме, назначив сердечные средства.

Болезнь и смерть Д. К. Заболотного были подробно описаны лечившими его академиком Н. Д. Стражеско, Ю. М. Лебедевой и Д. В. Пилипенко. Их рассказы не только позволяют буквально по часам восстановить весь ход его болезни, приведшей к трагическому концу, но и содержат много бытовых деталей, позволяющих представить себе характер и образ жизни Д. К. Заболотного в Киеве. Жил Даниил Кириллович в лаборатории Института микробиологии на ул. Большой Житомирской, 28, занимал всего две комнаты на втором этаже. Несмотря на то что заработная плата Д. К. Заболотного в это время была уже достаточно высокой, денег в доме никогда не бывало, но зато после каждой получки, как пишет Д. В. Пилипенко, она заполняла под диктовку Даниила Кирилловича стопку бланков переводов денег во всех направлениях: Чеботарку, Харьков, Ленинград, Воронеж и т. д. Как только Даниил Кириллович заболел, его квартира заполнилась друзьями, сотрудниками, многочисленными знакомыми, встревоженными его болезнью. Ю. М. Лебедева рассказывает, что, когда в «Ленинградской правде» появилось краткое сообщение о болезни Д. К. Заболотного, живший в его ленинградской квартире племянник Ф. М. Заболотный целый день буквально не отходил от телефона. Друзья Даниила Кирилловича хотели знать более полные сведения о ходе его болезни.

К лечению Д. К. Заболотного был привлечен академик Н. Д. Стражеско. «Я видел первый раз покойного

Д. К. вечером 24-го, — пишет он. — При температуре 39,1° С, общее самочувствие больного удовлетворительное, аппетит сохранен, сознание полное; больной со свойственным ему юмором перед нашим осмотром мастерски нам рассказал об одном случае из своей жизни во время его научной командировки в Персию, охотно делился своими впечатлениями о быте и обычаях арабов и, пожалуй, был больше словоохотлив, чем всегда и чем это следовало... возбужденная психика подтверждала наличие пневмонии. И, действительно, тщательные исследования обнаружили на сей раз наличие пневмонических гнезд...». Кроме того, было отмечено поражение сердца. В то же время состояние больного не внушало врачам больших опасений, но учитывая возраст (Даниилу Кирилловичу было тогда уже 64 года), решили организовать у его постели постоянное врачебное дежурство. Были назначены также сердечные средства. Ночью с 27 на 28 ноября наступил кризис. Н. Д. Стражеско описывает его так: «Около 5 часов ночи дежурный врач вызвал меня по телефону и сообщил, что с 3 часов ночи при явлениях проливного пота и резком упадке деятельности сердца с явлениями постоянной аритмии начала падать температура... Больной жаловался на колоссальную слабость, на страх смерти и сознавал ее приближение. Я, как умел, старался его успокоить... Мое спокойствие подействовало на больного ободряюще и успокаивающе. К утру деятельность сердца улучшилась, а температура упала до 37,1° С. В расплату за ночное беспокойство, — пишет Н. Д. Стражеско, — Д. К. мастерски рассказал мне презабавный анекдот и уже шутил со своими учениками».

В ходе болезни наступил светлый промежуток. С 28 ноября по 2 декабря температура держалась в пределах почти нормы, самочувствие постепенно улучшалось. В бюллетене, опубликованном в газете «Вечерний Киев», о состоянии здоровья Д. К. Заболотного было сказано, что кризис благополучно миновал и самочувствие больного улучшается. Его часто посещали сотрудники и друзья и уже стали говорить о планах на будущее. Повидимому, Даниил Кириллович быстро сходилась с людьми, и особенно близкие отношения после переезда в Киев, по словам Д. В. Пилипенко, у него сложились с одним из действительных членов Всеукраинской академии наук, бывшим видным земским санитарным врачом

Авксентием Васильевичем Корчак-Чепурковским. По описанию врачей Ю. Л. Квятницкой и М. П. Рашкевич, супруги Чепурковы были «истые, типичные малороссы, простые, радушные, ласковые... Он окончил семинарию и Киевский университет, она — Высшие курсы в Киеве, была народной учительницей». Во время болезни Д. К. Заболотного А. В. Корчак-Чепурковский часто его посещал и подолгу с ним беседовал.

Утром 2 декабря, несмотря на сильную слабость и одышку, Даниил Кириллович был в хорошем настроении и не раз повторял приехавшей из Ленинграда Ю. М. Лебедевой, как он рад, что его вспомнили во время болезни и приехали издалека. «Ведь вот пришлось столько мотаться по поездкам», — говорил он. Спрашивал, пришли ли дети (воспитанники) из школы, охотно рассказывал о них. Но во вторую половину дня самочувствие больного заметно ухудшилось, повысилась температура. На следующий день состояние Д. К. Заболотного совсем ухудшилось, к вечеру был озноб и температура поднялась до 40,2° С. «Не вытянуть мне», — говорил он. 5 декабря произошла эмболия в артерию сетчатки левого глаза с полной потерей зрения. Потеря зрения на левый глаз произошла неожиданно и сильно подействовала на больного. Он все старался больным глазом считать пальцы и страшно сокрушался, как он будет работать с микроскопом. Его постарались уверить, что произошло только кровоизлияние на почве разрыва сосудов сетчатки и оно потом рассосется и зрение восстановится. Даниил Кириллович понемногу успокоился и сказал: «Впрочем, в микроскоп можно смотреть и одним оком».

Однако состояние его все время ухудшалось. Возникли и другие осложнения, а в связи с этим встал вопрос о необходимости оперативного вмешательства. Было решено пригласить из Ленинграда хирурга проф. С. П. Федорова, но его не оказалось в Ленинграде. Операция была все-таки произведена.

Из Ленинграда приехали вызванные телеграммой усыновленные Д. К. Заболотным Федор Мартынович Заболотный и Ян Гуй Заболотный. Оберегая Даниила Кирилловича от всего, что могло его взволновать, врачи разрешили свидание приехавших с ним только на второй день.

Одновременно с Федором и Яном Заболотными был вызван из Одессы К. М. Гродский, которого Даниил Ки-

риллович сделал своим душеприказчиком, передав ему на хранение завещание, составленное во время тяжелой болезни в Одессе в 1922 г. К. М. Гродский был одним из ближайших учеников Д. К. Заболотного. Он работал под его руководством на эпидемии чумы в Одессе в 1910 г., а затем в Галиции во время первой мировой войны. Потеряв своего отца еще в раннем детстве, Константин Михайлович считал Даниила Кирилловича своим вторым отцом и свято чтит память о нем как о своем учителе и друге, стараясь во всем на него походить. Жена К. М. Гродского рассказывала, что когда однажды Константин Михайлович стал благодарить Д. К. Заболотного за все, что он сделал для него, тот ему ответил: «Меня не нужно благодарить, Вы отдадите людям то, что я дал Вам, — как я отдаю всю жизнь людям то, что мне дал И. И. Мечников».

Приехав в Киев, К. М. Гродский не отходил от постели больного до последних минут его жизни.

10 и 11 декабря состояние больного хотя и было тяжелым, но все же оставались надежды на благополучный исход. Несмотря на тяжелое состояние, Даниил Кириллович по-прежнему проявлял интерес к состоянию дел в институте и академии. А. В. Корчак-Чепурковский впоследствии говорил, что он был поражен способностью Д. К. Заболотного ориентироваться в делах, несмотря на всю тяжесть его состояния, и лечившим его врачам Даниил Кириллович не раз говорил, что ему много еще нужно сделать.

13 декабря Д. К. Заболотный потерял сознание, перестал говорить, жидкость глотал с трудом. Выпущенный в этот день бюллетень известил, что его состояние безнадежно. Но врачи продолжали бороться за его жизнь. Все окружающие, как пишет Ю. М. Лебедева, мучительно переживали это медленное угасание. В квартире стояла тишина, все бродили, как тени, бессильные помочь или облегчить страдания. 15 декабря 1929 г. в 22 ч. 27 мин при нарастающей слабости сердца и явлениях отека легких Даниил Кириллович Заболотный скончался.

Смерть Д. К. Заболотного явилась большой утратой для молодой советской науки.

В телеграмме, посланной правительством Украинской ССР в адрес академии, сказано:

«Получив печальное известие о смерти президента ВУАН, выдающегося ученого и общественного деятеля,

члена ВУЦИК Д. К. Заболотного, рабоче-крестьянское правительство УССР разделяет с ВУАН, научной общественностью и семьей покойного большую скорбь по поводу этой тяжелой утраты.

Вся рабоче-крестьянская общественность УССР никогда не забудет творческой работы покойного на ниве тесного союза науки и труда. Память этого выдающегося ученого и общественного деятеля будет стимулировать дальнейшее развитие украинской пролетарской науки и культуры.

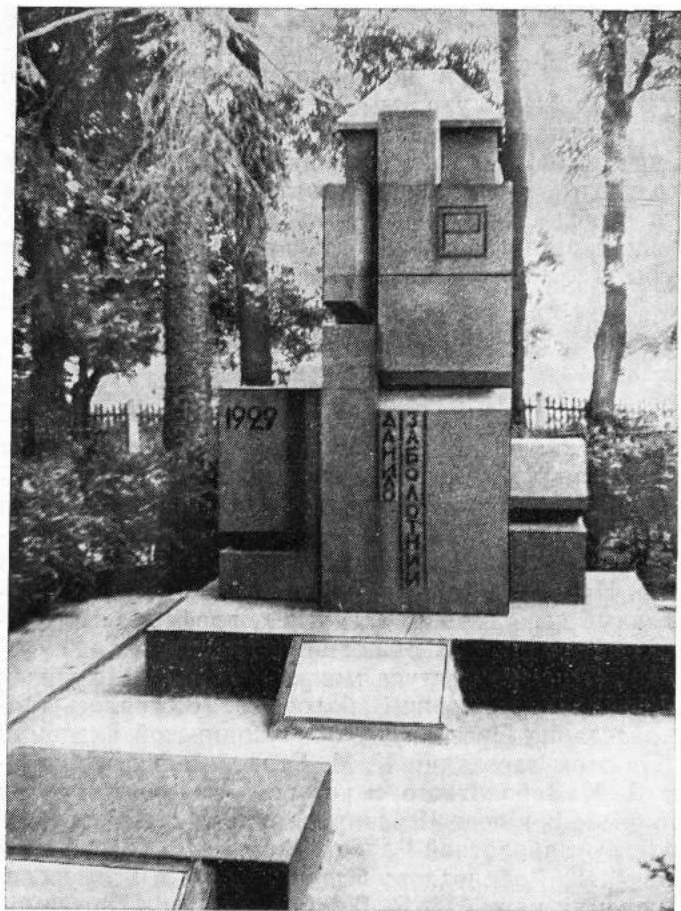
*Председатель ВУЦИК Петровский
Председатель Совнаркома Чубарь
Секретарь ВУЦИК Власенко»*

Академией было получено также большое число телеграмм с выражением скорби и глубокого сочувствия по поводу понесенной ей тяжелой утраты от многих организаций, учреждений и учебных заведений СССР и зарубежных стран, в том числе от сотрудников Пастеровского института в Париже и Института Р. Коха в Берлине. На похороны Д. К. Заболотного прибыли многочисленные делегации от заводских, профсоюзных, студенческих и различных общественных организаций.

В помещении Института микробиологии, где жил и умер Даниил Кириллович Заболотный, состоялось траурное заседание Президиума Всеукраинской академии наук. На этом заседании К. М. Гродский огласил завещание Д. К. Заболотного, в котором покойный просил похоронить его в селе Чеботарке, рядом с могилой его жены Л. В. Заболотной-Радецкой. В этот же день гроб с телом Д. К. Заболотного был перенесен в конференц-зал Академии наук УССР. В течение дня нескончаемой вереницей шли мимо гроба люди самых различных профессий, делегации заводов, фабрик, учреждений. Приехала делегация шахтеров Донбасса. От Правительства СССР на похоронах присутствовал А. В. Луначарский.

18 декабря гроб с телом Д. К. Заболотного специальным поездом был перевезен в село Чеботарку, где и был предан земле на усадьбе Д. К. Заболотного, рядом с могилой Л. В. Заболотной-Радецкой.

В январе 1930 г. правительственная комиссия рассмотрела предложения по увековечению памяти Д. К. Заболотного. По предложению комиссии правительство Украинской ССР приняло решение о переименовании села

Памятник на могиле Д. К. Заболотного в селе Заболотном.

Чеботарки в село Заболотное и о создании там дома-усадьбы государственного мемориального музея Д. К. Заболотного, а также о присвоении Институту микробиологии и эпидемиологии Всеукраинской академии наук имени академика Д. К. Заболотного.

8 апреля 1928 г., размышляя о пройденном пути, Даниил Кириллович записал в своем дневнике: «А может, погибну, и тропинку, протоптанную в жизни, заметет, и

забудут, а то и посмеются надо мною»¹. И вот сейчас, через полвека после его смерти можно сказать, что сомнения эти были напрасны. Нет, не забыли, и тропинка, протоптанная Д. К. Заболотным, превратилась в большую столбовую дорогу, по которой вслед за его учениками и сотрудниками идет сейчас большая группа советских эпидемиологов, микробиологов и иммунологов. На Украине широко отмечались 10-летие и 25-летие со дня смерти этого замечательного ученого, а в 1966 г. в Москве, Киеве, Ленинграде, Одессе и в ряде других городов были проведены конференции и торжественные заседания, посвященные 100-летию со дня рождения Даниила Кирилловича Заболотного.

Особенно торжественно была проведена конференция в Киеве в Институте микробиологии АН Украинской ССР, носящем имя Д. К. Заболотного. Сюда приехали все ученики и соратники Даниила Кирилловича. Был заслушан ряд докладов, посвященных отдельным этапам жизни ученого и развитию основных направлений научных исследований, у истоков которых он стоял. К 100-летию со дня рождения ученого была выбита памятная медаль и выпущена юбилейная почтовая марка.

Прошедшая конференция показала, что имя и дела Д. К. Заболотного не забыты и что он пользуется огромной популярностью среди самых широких кругов медицинских и научных работников.

---

¹ Билай В. И. Жизнь, отданная людям. К 100-летию со дня рождения Д. К. Заболотного. — Киев: Наукова думка, 1966, с. 71.

Основные даты жизни и деятельности Д. К. Заболотного

- 1866 г. 16 (28) декабря — родился в селе Чеботарке Подольской губернии.
- 1880 г. — переехал в Одессу и поступил в гимназию.
- 1885—1889 гг. — обучался на естественном отделении физико-математического факультета Новороссийского университета.
- 1889 г. 21 ноября — исключен из университета за участие в студенческом движении и заключен в тюрьму.
- 1890 г. — находился под гласным надзором полиции в Одессе; работал на Одесской бактериологической станции под руководством Я. Ю. Бардаха.
- 1891 г. — получил разрешение на сдачу государственных экзаменов в университет.
- 1891 г. 11 августа — получил диплом об окончании Новороссийского университета и поступил на III курс медицинского факультета Киевского университета.
- 1894 г. — окончил медицинский факультет Киевского университета; командирован в Подольскую губернию для борьбы с эпидемиями холеры.
- 1895 г., февраль — возвратился в Киев, для того чтобы отслужить университетскую стипендию в качестве военного врача.
- 1896 г. — избран на должность внештатного помощника прозектора кафедры общей патологии Киевского университета.
- 1897 г. — командирован в Индию в составе русской экспедиции под руководством проф. В. К. Высоковича для борьбы с чумой.
- 1898 г. — прикомандирован к Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой.
- 1899 г. — прикомандирован к общепатериологическому отделу Института экспериментальной медицины в Петербурге; читал курс бактериологии в Петербургском женском медицинском институте (с 1898 г.).
- 1899 г. 21 марта — защитил докторскую диссертацию на тему «К вопросу о патогенезе сифилиса».
- 1911 г. — возглавил русскую экспедицию, посланную для борьбы с чумой в Маньчжурии; доказал возможность сохранения возбудителя чумы в природе среди диких грызунов (тарбаганов).
- 1914—1915 гг. — командирован на театр военных действий для организации противоэпидемических мероприятий.
- 1917 г. — создал в Институте экспериментальной медицины отдел эпидемиологии.

- 1918 г. — принимал участие в организации ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР; активно участвовал в борьбе с холерой в Петрограде; в связи с болезнью жены уехал на Украину.
- 1920 г. — по предложению Д. К. Заболотного в Одесской медицинской академии (институте) создана первая в мире самостоятельная кафедра эпидемиологии.
- 1921 г. — исполнял обязанности ректора Одесской медицинской академии.
- 1924 г. — назначен начальником кафедры бактериологии и эпидемиологии Военно-медицинской академии в Петрограде.
- 1926 г. — избран действительным членом Академии наук СССР.
- 1928 г. — избран президентом Всеукраинской академии наук; переехал в Киев.
- 1929 г., 15 декабря — умер в Киеве.

Список литературы о Д. К. Заболотном

- Барсуков М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.). — М.: Медгиз, 1951, с. 188—190.
- Билый В. И. Жизнь, отданная людям. К 100-летию со дня рождения Д. К. Заболотного. — Киев: Наукова думка, 1966. — 85 с.
- Васильев К. Г., Занчевская Т. А. Д. К. Заболотный — организатор первой самостоятельной кафедры эпидемиологии в Советском Союзе. — Журн. микробиол., 1966, № 12, с. 7.
- Васильев К. Г., Гольд Э. Ю. Новые данные об участии Д. К. Заболотного в революционном движении (к 100-летию со дня рождения). — Сов. мед., 1967, № 2, с. 148—149.
- Гиммельфарб Я. К., Гродский К. М. Д. К. Заболотный (1966—1929). — М.: Медгиз, 1958. — 222 с.
- Голубые Г. Житие Данила Заболотного. — М.: Молодая гвардия, 1962. — 253 с.
- Дроботько В. Г. Данило Кириллович Заболотный. — Київ: Вид. АН УССР, 1958. — 32 с. (на укр. яз.).
- Елкин И. И. Патриот, ученый, подвижник (к 100-летию со дня рождения Д. К. Заболотного). — Журн. микробиол., 1966, № 12, с. 3—7.
- Заболотный Даниил Кириллович (Библиографический указатель, посвященный 100-летию со дня рождения). Одесса: Маяк, 1966.
- Заболотный Д. К. и современная микробиология и эпидемиология. — В кн.: Материалы конференции, посвященные 100-летию со дня рождения. Киев: Наукова думка, 1968. — 217 с. (на укр. яз.).
- Миленушкин Ю. И. Выдающийся деятель отечественной медицины Д. К. Заболотный. — М., 1954. — 24 с.
- Московец Д. И. Академик Д. К. Заболотный. Київ: Дежвидав УРСР, 1950. — 56 с. (на укр. яз.).
- Омелянский В. Л. Памяти академика Д. К. Заболотного. — Арх. биол. наук, 1930, т. XXX, вып. 1, с. 3—10.
- Семашко Н. А. Памяти академика-общественника. — Гиг. и эпидемиол., 1930, т. 3, с. 1—2.
- Солов'юв М. М. Спогади про Данила Кириловича Заболотного. — Українськ. медичн. арх., 1930, т. 5, № 3, с. 151—158 (на укр. яз.).

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
Годы учения	6
Начало творческого пути	18
Научно-педагогическая деятельность. Петербург 1899—1910 гг.	28
Борьба с эпидемией чумы в Маньчжурии и на юго-востоке европейской России	41
Участие в организации светского здравоохранения. Борьба с эпидемией холеры в Петрограде	58
Поездка на Украину. Создание кафедры эпидемиологии в Одессе (1918—1923)	65
Возвращение в Петроград. Создание кафедры микробиологии и эпидемиологии в Военно-медицинской академии (1923—1928)	78
Президент Всеукраинской академии наук. Киев 1928 г.	88
Болезнь и смерть Д. К. Заболотного	93
Основные даты жизни и деятельности Д. К. Заболотного	100
<i>Список литературы о Д. К. Заболотном</i>	102

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

Д. К. Заболотный

Зав. редакцией *И. В. Туманова*

Редактор *Т. В. Калью*

Оформление художника *В. С. Сергеевой*

Художественный редактор *Н. А. Гурова*

Технический редактор *З. А. Романова*

Корректор *Бучнева Т. И.*

ИБ № 4002

Сдано в набор 5.09.85. Подписано к печати 4.12.85. Т-23506. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,67. Уч.-изд. л. 5,45. Тираж 20 000 экз. Заказ 914. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Медицина».
103062, Москва, Петроверигский пер., 6/8.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46.

15 ж.

МЕДИЦИНА 1986